

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема датирования древностей гуннского времени является одной из наиболее острых проблем археологии данного периода и, невзирая на большое количество посвященных ей трудов, все еще остается не до конца решенной. Уже ставшая легендарной дискуссия между А.К.Амброзом и И.П.Засецкой закончилась тупиковой ситуацией после преждевременного ухода из жизни А.К.Амброза. Вышедшие же после этого в печати работы И.П.Засецкой (Засецкая И.П., 1990; 1994) не более чем повторили уже высказанные ранее положения, но оставили, таким образом, последнее слово в дискуссии за исследовательницей. Ни одной целостной альтернативной концепции за последнее время не появилось, что создаёт иллюзию отсутствия дискуссионности проблемы как таковой. Но факт наличия острой дискуссии несомненен, поэтому выводы И.П.Засецкой и А.К.Амброза требуют дополнительной проверки и уточнения. Попытка детального анализа концепций обоих ученых с целью обнаружения ошибочных звеньев в цепи их анализа, привела нас к выводу о её крайней нерациональности. Различия между их концепциями и нашим видением материала оказались настолько велики, что возникла необходимость сформулировать совершенно новую концепцию хронологии древностей гуннского времени для Восточной Европы. В целостном виде концепция чрезвычайно громоздка и требует использования большого количества иллюстративного материала. Но попытка её полной публикации была бы крайне непредусмотрительной без предварительной апробации основных положений, что и вызвало появление этой статьи. Ориентирование статьи на узкий круг специалистов при использовании хорошо известных материалов позволяет нам сделать текст и иллюстрации максимально сжатыми. Для более же простого восприятия концепции другими исследователями мы решили отдавать предпочтение при ссылках на не представленный в рисунках материал (там, где это возможно), не первоисточникам, а обобщающим трудам (Alfoldi A., 1932; Fettich N., 1953; Werner J., 1956; Засецкая И.П., 1979; 1994 и др.).

И А.К.Амброз, и И.П.Засецкая использовали для датировки степных комплексов гуннского времени, в принципе, один метод – разделение комплексов на группы по стилистическим особенностям ювелирных изделий с последующей их корреляцией с эталонными нестепными памятниками. В результате оба исследователя выделили по три группы кочевнических погребений, о составах и датировках которых собственно и шла дискуссия. Реальная картина оказалась гораздо сложнее – комплексы гуннского времени разделяются

на группы не только по составу инвентаря, но и по возможностям применения к ним различных методов анализа.

Первая группа получила кодировку “Аланы” (А). Она представлена аланскими погребениями гуннского времени и характеризуется заметной индивидуальностью состава комплексов, что, вероятно, объясняется сохранением аланами своей ремесленной базы, более консервативной в сравнении с инновационными центрами Подунавья и Крыма. Группа еще не была известна А.К.Амброзу и, по непонятным причинам, упущена из вида И.П.Засецкой, которая в своём своде использовала только материалы безусловно аланского катакомбного погребения из Казакии, не указав при этом его этнокультурную принадлежность (Засецкая И.П., 1994, с.194). Впервые такие погребения выделил Е.Л.Гороховский, который датировал гуннским временем три кургана из Кантемировка, курган 13 из Дмухайловки, курган 4 из ст.Кривенской, погребение 3 кургана №3 из Ново-Подкряжа, погребение №1 кургана №1 курганной группы I около с. Соколово и комплекс из хут. Яременки. Исследователь сформулировал понятие “раннегуннский период” и обосновал его синхронизацию с европейским этапом D1. Ключевыми являются три датировки: кантемировский курган 2 и Дмухайловка – последняя четверть IV в.; курганы 1 и 3 из Кантемировка – первая треть V в.; Яременки – этап D2 (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 18-19; Гороховский Е.Л., 1988в, с.149-151). К сожалению, детально рассмотреть эту группу погребений мы не можем, поэтому здесь мы только кратко остановимся на дате эталонных комплексов и предложим датировки для новооткрытых погребений. Даты Е.Л.Гороховского, на наш взгляд, не совсем точны. Черняховские комплексы фазы 5, кроме прочего, выделяют гребни типа Томас ШВ1а, стеклянные конические кубки и пряжки серии Д (Гороховский Е.Л., 1988а, с. 45). Тот же набор вещей характеризует курганы №1, 2 из Кантемировка (Рудинский М., 1930), курган №4 из ст.Кривенской (Мелентьева Г.М., 1973) и курган №13 из Дмухайловки (Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е., 1983), что действительно позволяет синхронизировать их с черняховскими комплексами фазы 5. Учитывая схожесть поясного наконечника (рис.5,35) с наконечником из Мундольсхайма, Е.Л.Гороховский “подтянул” дату кургана 1 из Кантемировка вверх, синхронизировав его не с курганом 2, а с курганом 3 (Гороховский Е.Л., 1988б, с. 19), хотя последний и содержал ряд предметов, не представленных в кургане 1. Точную аналогию в кургане 1 находит только одна пряжка (рис.5, 7), но эта, а также ещё одна пряжка (рис.5, 8), относятся к

характерным только для IV в. типам, не известным ни в одном другом комплексе, датированным V в. При столь характерном облике инвентаря кургана 1 проще предположить, что кантемировский наконечник является наиболее ранним известным экземпляром этого типа. Столь широкая дата кургана 3 (первая треть V в.) также должна быть уточнена. Две щитковые и серебряная бесщитковая пряжка из данного погребения (рис.5, 9-11) действительно уже обладают начальными переходными чертами к пряжкам этапа D2 – более широкая, уже приближающаяся к круглой, рамка, более узкий язычок, который, однако, всё ещё плотно прилегает к рамке. Но в начале второй четверти V в. в Крыму и Паннонии уже бытуют сформированные пряжки с круглой рамкой и длинным язычком, выступающим за рамку, поэтому кантемировские пряжки не выходят за рамки начала первой четверти V в. Эту дату косвенно подтверждает и наличие в кургане 3 черняховской посуды. Дело в том, что предположение о продолжении изготовления гончарной черняховской посуды после катаклизмов 70-х гг. IV в. будет достаточно смелой гипотезой. Между тем, максимальный срок возможного использования посуды - 20-30 лет, в условиях же кочевого быта - в несколько раз короче. Это значит, что на начало V в. у остатков черняховского населения количество гончарной посуды очень сильно сократилось, что и иллюстрируют кантемировские курганы: если в кургане 1 обнаружены остатки по меньшей мере 13-ти сосудов, в кургане 2 - 11-ти, то в наиболее богатом кургане 3 - только 4-х сосудов. Считаем, что совокупность признаков позволяет ограничить дату кургана 3 периодом около 400 - 415 гг. Погребение 3 кургана № 3 из Ново-Подкряжа (Костенко В.И., 1977) немного позднее – одна из пряжек близка щитковым пряжкам кантемировского кургана 3 (рис.5, 12), другая имеет длинный граненый язычок (рис.5, 13). Такое сочетание наиболее вероятно для периода 415-425 гг. Аланские комплексы следующего этапа – D2 – будут рассмотрены ниже, поскольку их дата зависит от датировки основной степной группы погребений этого времени.

Группа Степь I (C1) пока представлена только двумя погребениями. Они заметно отличаются от аланских по погребальному обряду (ориентированы на восток, как и погребения из Зеленокумска и п.2 кургана 8 могильника Кубей). Инвентарь погребения № 45 Балковского кургана: длинный узкий меч без перекрестья, бронзовая пряжка и каменная бусина-подвеска к мечу. Меч имеет довольно широкие хронологические аналогии, поэтому дату определяет пряжка. Авторы публикации датировали погребение последней четвертью IV в. (Ляшко С.Н., Отрощенко В.В., 1988, с.57, 58, 63), но это не совсем так. Резкий перегиб кончика язычка, узкий прямоугольный щиток и незначительное утолщение рамки на переднем конце (рис.2, 2) более присущи пряжкам 2-й четверти V в. Точных аналогий пряжка не имеет, близкие – пряжка из черняховского могильника Гавриловка (Сымонович Э.А., 1960, табл. XIV, 5), пряжка из Здвиженского

(рис.2, 1). Балковская пряжка занимает промежуточное положение между ними и должна рассматриваться, как переходная от пряжек конца IV в. к пряжкам 2-й четверти V в., т.е. наиболее вероятная дата балковского погребения – 1-я четверть V в. Погребение № 4 могильника Сад (Сумы) (Некрасова Г.М., 1985) находилось на территории черняховского могильника, частично перекрывая черняховское погребение № 2, но ориентация на восток, деформация черепа и отсутствие любых вещей, которые имеют точные аналогии в черняховских комплексах, позволяют считать это погребение не связанным с могильником. Самые поздние инвентарные погребения могильника - № 5 и №7 датируются 2-й половиной IV в. (фаза 4 по Е.Л.Гороховскому) (Гороховский Е.Л., 1988, с. 44-46). Погребение № 2 относится к погребениям с западной ориентацией, которые считаются самыми поздними на черняховских могильниках и, вероятно, синхронно погребению №7. Погребение №4, скорее всего, было осуществлено спустя некоторое время после прекращения функционирования могильника, когда внешние признаки могил уже стерлись. Инвентарь погребения состоит из овальной бесщитковой бронзовой пряжки с пластинчатым язычком и бронзовой сережки с 14-гранником на конце (Некрасова Г.М., 1985). Пряжка (рис.5, 34) оригинальна, точных аналогий нам найти не удалось, но по форме рамки и пластинчатому язычку к ней близка пряжка из Марфовки (рис.5, 33), Е.Л.Гороховский сравнил её также с пряжкой из Бешенова (Гороховский Е.Л., 1988в, с.92, 93). Другим датированным предметом является сережка с полиедром на конце, поставленным «на ребро» (рис.5, 59). Аналогии таким сережкам известны в погребениях №31, 33, 67 могильника Чаквар, дата которых не выходит за рамки последней четверти IV – 1-й четверти V вв. (Шаламон А., Баркоци Л., 1982, рис.6), и в погребении из Смолина (рис.5, 61). Последнее относится к концу этапа D2, поэтому находка в нем такой сережки, очевидно, является самой поздней. Поскольку данные стратиграфии исключают для погребения №4 из Сада 2-ю половину IV в., а отличие инвентаря от комплексов 2-й четверти V в. - и этот период, самая вероятная дата - 1-я четверть V в. Следует отметить, что подобные сумской, сережки также встречаются и в крымских склепах VI-VII вв., но ни одной такой находки не известно в синхронных кочевнических погребениях, наконец, данный регион с V по VII вв. был достаточно густо заселен носителями пеньковской культуры – кочевнический могильник Рябовка на Сумщине перекрывает пеньковское поселение V-VII вв. (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1993).

Погребение из Каменной Могины (Мелитопольский р-н) (Михайлов Б.Д., 1993, с. 109-111) датируется по двум железным пряжкам и стеклянному стакану. К сожалению, рисунок стакана настолько ассиметричен (Михайлов Б.Д., 1993, рис.2, 6), что понять его форму невозможно, может быть, поэтому приведённые Б.Д.Михайловым аналогии (Михайлов Б.Д., 1993, с. 110) не показались нам убедительными. Стаканы из

зелёного стекла в общих чертах похожей формы бытуют с конца IV в. до VI в. Косвенно на дату указывает отсутствие на стакане синих капель, что может свидетельствовать как о ранней (первая четверть V в.), так и о поздней (VI в.) дате. Пряжки (рис.6, 13, 14) имеют широкую овальную уплощённую рамку и плоский язычок, прилегающий к рамке под небольшим углом. Рамки симметричны, этот признак характерен для пряжек VI в., но рамки последних более вытянутые. Близкие аналогии нашим пряжкам есть и в гуннское время - Сад (Сумы) и Марфовка (рис.5, 33, 34). На наш взгляд, погребение все-таки датируется первой четвертью V в. и принадлежит к пока ещё слабо изученной группе С1.

Степные комплексы следующего периода немногочисленны, но их количество достаточно для использования метода не индивидуального, а комплексного анализа погребений. Анализируя критические замечания В.Б.Ковалевской в свою сторону, А.К.Амброз не случайно обратил внимание на "упрек" в том, что он берет из комплексов только те вещи, которые "работают" на его хронологическую систему (Ковалевская В.Б., 1984, с.104; Амброз А.К., 1985, с.295), поскольку именно А.К.Амброз настаивал на необходимости максимального использования источников. Но, к величайшему сожалению, концепция исследователя изложена крайне конспективно, вынужденно оставляя блестящую эрудицию автора "за кадром" его публикаций. Поскольку дату комплекса определяют не отдельные вещи, а совокупность вещей комплекса, мы попытались максимально широко использовать материалы комплексов при помощи обычной корреляции по максимальному возможному числу признаков. В свою очередь, это позволяет нам включить в корреляцию максимальное число комплексов, подавляющее большинство которых происходит из случайных находок, а поэтому не являются закрытыми. Введение незакрытых комплексов в корреляционную таблицу рядом с закрытыми дает возможность убедиться в случайности или наоборот - закономерности нахождения определенного предмета в составе коллекций из таких комплексов, т.е., позволяет избежать субъективности при учете или неучете предмета при анализе. Описание и обоснование признаков, положенных в основу корреляции, для удобства восприятия информации вынесены в "Приложение", но кодировка отдельных предметов используется в тексте для краткости изложения. Ниже поданы только конечные выводы анализа корреляционных таблиц.

Таблица 1 иллюстрирует взаимокорреляцию только степных комплексов, что дало определенный негативный эффект, поскольку в таблице не было учтено значительное количество признаков, которые встречаются в одном комплексе, но не имеют аналогий в других. Как показывает таблица, анализируемые комплексы распались на три группы.

В группу Степь II (С2) попали женские погребения Марфовка, Зеленокумск, Антоновка, Ленинск

и мужские (точнее, оба детские) Беляус 1 и Беляус 2. Три последние являются полностью закрытыми комплексами, раскопанными археологами, а три первые исследованы "по горячим следам" сразу после выявления, что позволяет и их рассматривать как более-менее целостные. К этой же группе можно отнести не включенное в таблицу разрушенное мужское погребение из хут. Алешки, где была найдена нагрудная пластина, украшенная двумя рядами крупных вставок, подобная диадемам из Марфовки и Антоновки, а также "колты" (Засецкая И.П., 1994, таб.12, 3-6).

Группа Степь IV (С4) состоит преимущественно из случайно обнаруженных разрушенных погребений. Исключение составляют могилы VIII и IX из Новогригорьевки. Также в группу С4 попали разрушенные погребения из Кучугур, Саг, Раденска, Чикаренко, Ново-Ивановки. Жестким признаком группы С4 является наличие в комплексах пряжек с инкрустированным щитком.

Нетрудно заметить, что, за исключением поясного наконечника IIА1, группы С1 и С2 не пересекаются.

Группа Степь III (С3) объединяет комплексы, которые характеризуются определенным своеобразием, поскольку в ней присутствуют признаки, входящие в состав обеих предыдущих групп, и в то же время отсутствует достаточный набор признаков для отнесения их к одной или другой группе. В группу С3 попали Мелитополь, погребение №2 кургана 8 могильника Кубей, разрушенное погребение из колхоза им. Калинина, комплекс из станицы Здвиженской и остатки погребений из Капуловки, Феодосии, Старой Игрени и Новой Маячки. Из вещей, представленных в комплексах группы С2, здесь встречены "колты", пряжки IA1, IB1, IB2, серёжки-калачики, бляшки IIIЕ, а также с группой С2 их объединяет такая этнографическая деталь, как наличие в комплексе котелка. В то же время в комплексах группы С2 практически полностью отсутствуют разнообразные бляшки-накладки от узды или ремней с полихромными вставками, обкладки седел, что сближает группу С3 с группой С4. Но в группе С3 отсутствуют чрезвычайно характерные для группы С4 пряжки с инкрустированным щитком. Это можно было бы объяснить неполнотой сохранности комплексов, если бы не п.2 кургана 8 из Кубей. Материал из данного погребения составляет целостную коллекцию, которая заметно отличается от комплексов типа Новогригорьевки. Внимание привлекают поясная пряжка и поясной набор в виде пластинчатых накладок (рис.2, б). Идентичный поясной набор и достаточно похожая пряжка известны из остатков погребения в Капуловке (рис.2, 3). Несколько отличная большая поясная пряжка есть и в комплексе из Здвиженского (рис.2, 1). Еще одним элементом, известным только в этой группе, является диадема в виде полоски с выступами (IVF3) (рис.5, 63). Аналогичная диадема в комплексе с "колтами" происходит из находки около хут. Верхне-Яблочного, обстоятельства которой не известны (Засецкая И.П., 1994, табл.25, 2,3).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	19	20	21	22	
IVF2	■			■	■																	
XI	■	■																				
IIA1		■					■												■			
IB2		■									■											
IB5		■	■																			
IA1		■					■			■	■	■				■						
IB1		■								■	■	■										
IVA2		■								■												
VIIIA		■	■																			
IVB		■		■	■																	
IIIЕ		■		■					■													
IVC		■		■								■										
IIA6													■									
IVF3									■													
IIIC2																■	■					
IIIC1																■	■					
IIID3																■	■				■	■
IID																■	■				■	■
IIIA3																■	■				■	■
IIВ																■	■				■	■
IIС																■	■				■	■
IC																■	■				■	■
IIID4																■	■				■	■
IIA3																■	■				■	■
IIID5																■	■				■	■
IIID1																■	■				■	■
IIID2																■	■				■	■
VIC																■	■				■	■
IE2																■	■				■	■
IE5																■	■				■	■
VIA																■	■				■	■
IE1a																■	■				■	■
IE1b																■	■				■	■
IIA2																■	■				■	■
IE4																■	■				■	■

*

Таблица 1. Взаимокорреляция степных комплексов**.

Table 1. Intercorrelation of steppe complexes.

Тabelle 1. Zwischenkorrelation der Steppenkomplexe.

Tableau 1. Intercorrélation des complexes de steppe

* № 18 не пропущен, а убран по необходимости.

** Комплексы: 1 – Антоновка; 2 – Беяус 1; 3 – Беяус 2; 4 – Марфовка; 5 – Ленинск; 6 – Зеленокумск; 7 – Старая Игрень; 8 – Мелитополь; 9 – Кубей, курган 8, п.2; 10 – Кацуловка; 11 – Здвиженское; 12 – Нова Маячка; 13 – к-з им. Калниина; 14 – Феодосия; 15 – Новогригорьевка, могила IX; 16 – Новогригорьевка, могила VIII; 17 – Саги; 19 – Чикаренко; 20 – Ново-Ивановка; 21 – Раденск; 22 – Кучугуры; 23 – Керчь, склеп 154, п.2; 24 – Снявка; 25 – Керчь, склеп 165, п.2; 26 – Керчь, склеп 154, п.4; 27 – Керчь, склеп 165, п.3; 28 – Керчь, склеп 154, п.3; 29 – Керчь, склеп 165, п.5; 30 – Керчь, склеп 154, п.5, 6; 31 – Керчь, склеп 154, п.9; 32 – Керчь, склеп 154, п.7; 33 – Керчь, склепы 24/6/1904; 34 – Керчь, склеп 145; 35 – Керчь, “Новиковский” склеп; 36 – Керчь, склеп 1896 г.; 37 – Флонхайм; 38 – Апахида; 39 – Чорна; 40 – Качин; 41 – Унтерзибенбрунн; 42 – Ленгельтотти; 43 – Якушвице; 44 – Батасек; 45 – Печ-Усѣг; 46 – Концешты; 47 – Сегед-Надьсекшош; 48 – Вольфсхайм; 49 – Лаа, п.1, 2 суммарно***; 50 – Смолин; 51 – Бжиза; K1 – суммарно Керчь, склеп 154; K2 – суммарно Керчь, склеп 165.

*** Сведены для удобства включения в корреляционную таблицу. Как показывает замкнутая цепочка аналогий Смолин – Вольфсхайм – Сегед-Надьсекшош – Печ-Усѣг – Бжиза, оба погребения практически одновременны, что обуславливает корректность сведения.

	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	
IVF1																														
ID1																														
VA1																														
IWA1																														
IVD1																														
IA3																														
IB6																														
III G																														
IB1																														
IB7																														
IIA5																														
IA1																														
VC																														
IB3																														
IB4																														
IB8																														
IB2																														
IA2																														
IWA3																														
IVG																														
VA2																														
Блок																														
IIIA2																														
II B																														
VII																														
IX																														
X																														
IIA4																														
VB																														
IIID6																														
IVD2																														
IIA2																														
IE4																														
IE2																														
IIID4																														
VIB																														
IE1a																														
VIA																														
IE6																														
IE1b																														
IIID7																														
I VE																														
IWA2																														
IVH																														
IIIA1																														
IIIB1																														
VII B																														
II C																														
ID2																														
IIA3																														
IIID5																														
VI E1																														
IIID3																														
IIIC1																														
IIIB2																														
VD																														

Таблица 2. Взаимокорреляция керченских и европейских комплексов.
 Table 2. Intercorrelation of Kerch and European complexes.
 Tabelle 2. Zwischenkorrelation der kertschener und europäischen Komplexe.
 Tableau 2. Intercorrélation des complexes européens et ceux de Kerch

Судя по сохранившемуся описанию, такая же диадема и “колты” были в составе комплекса, обнаруженного в 1910 г. на берегу р. Корушана (Ковалева И.Ф., 1962, с. 235).

Чтобы лучше понять причину отличий в вещевом наборе трех групп, попробуем скоррелировать их с керченскими и отдельными среднеевропейскими комплексами. Таблица 2 отражает взаимокорреляцию керченских и европейских комплексов, сделанную, чтобы получить надежную систему привязки. В таблицу 2 включены керченские склепы № 145, 154, 165, два склепа, ограбленные 24 июня 1904 г., предложенные для корреляции со степными памятниками И.П.Засецкой, “Новиковский” склеп и склеп, раскопанный на Глинище в 1896 г. Также использованы материалы погребения из Синявки, очевидно, все-таки не степного происхождения, которое было использовано при корреляции крымских материалов А.И.Айбабиным. Материалы двух склепов, ограбленных 24 июня 1904 года, были включены в таблицу ввиду их исключительной важности для датирования степных комплексов, но с учетом того, что они происходят из двух, возможно, одновременных склепов. Из европейских комплексов использованы Унтерзибенбрунн, Ленгелтотти, Вольфсхайм, п.1 из Лаа, Смолин, п.1 из Бжизы, Якушвице, Чорна, Печ-Усѐг, Сегед-Надьсекшош, Апахида. Также к кругу европейских отнесён комплекс из Качина. Основная причина введения в корреляцию европейских комплексов – необходимость привязки крымских и степных памятников к более дробной хронологической схеме.

Как показывает таблица 2, скоррелированные керченские комплексы распадаются на 3 подгруппы: подгруппа 1: п.2 склепа 154, п.2 склепа 165, Синявка;

подгруппа 2: п.3, 4 склепа 154, п.3, 5 склепа 165;

подгруппа 3: п.7, 9 склепа 154, склеп 145, основная часть материала склепов 24/6/1904, “Новиковский” склеп и склеп 1896 г.

Наблюдение за стратиграфическим расположением погребений склепов 154 и 165 позволило А.К.Амброзу синхронизировать п.2 и п.3 склепа 154, практически одновременны п.2 и п.3 склепа 165 (Амброз А.К., 1995, рис.3), что позволяет нам разделить анализируемые керченские комплексы только на две группы: группа Керчь I (K1) включает комплексы подгрупп 1 и 2, группа Керчь II (K2) включает комплексы подгруппы 3. Таблица 3 иллюстрирует корреляцию степных комплексов с наиболее показательными керченскими и европейскими (в таблицу включены только признаки, представленные в степных комплексах). Как показывает таблица, группы С2 и С4 отвечают группам K1 и K2 соответственно, поэтому сведем их в объединенные группы СК1 и СК2. Группа С3 и здесь занимает отдельное положение, в первую очередь, благодаря отсутствию надежных аналогий к материалам из её комплексов в керченских склепах (за исключением пряжек IA1 и IB1). Благодаря не использованным ранее пряжке IA2, гривне IVD3 и обкладке кинжала VID

комплекс из колхоза Калинина попал в группу СК2, эту перестановку подтверждает и полный сбруйный набор типа Новогригорьевки, по которому сюда же отнесен и комплекс из Феодосии. Комплекс из Новой Маячки остался в группе С3, поскольку керченские аналогии к гривне IVD1 оказались как в п.2 склепа № 165 (группа K1), так и в материалах склепов 24/6/1904, основная часть которых относится к группе K2, в комплексах же группы С4 совершенно отсутствуют пряжки IA1 и IB1. Находки из комплексов группы С3 характерны, преимущественно, для материальной культуры степного населения, поэтому дата комплексов этой группы зависит от датирования вещей, которые входят в комплексы групп СК1 и СК2. Рассмотрим датирование этих двух групп.

Группа СК1 имеет специфический набор признаков, не представленных в группе СК2. Это неинкрустированные двупластинчатые фибулы вариантов Iaa и Iab по А.К.Амброзу, а также большая двупластинчатая фибула с накладками в виде “пальметок” типа Смолинской, стеклянные чаши с напаянными синими каплями варианта IE по Н.П.Сорокиной, пряжки провинциально-римского производства типа Тышаладани (ID1), пряжки с гранеными овальными или круглыми рамками (в группе СК2 присутствует одна такая пряжка в могиле IX из Новогригорьевки), пряжки с прямоугольной рамкой, пряжки с граненым и зооморфным язычками, пряжки с ромбовидным или треугольным щитком (в группе СК2 одна такая пряжка есть среди материалов склепов 24/6/1904), серебряные пилообразные накладки, наконечник ремня варианта б-3 по А.И.Айбабину, а также серёжки с полиедром на конце IVA. Практически весь набор признаков считается типичным для европейских комплексов этапа D2 (по Я.Тейралу). Абсолютная дата этапа D2 определяется временем пребывания в Паннонии гуннов, т.е. 433-454 гг., хотя отдельные типы вещей появились еще в 20-х гг. V в. (мы учитываем то обстоятельство, что определенный комплекс материальной культуры перед окончательным оформлением проходит стадию становления, на которой уже существуют некоторые типы вещей, характерные для него в дальнейшем), другие же продолжили бытовать и после 454 г. Несмотря на столь узкие хронологические рамки, среднеевропейские комплексы достаточно уверенно разделяются на горизонты. Ранние (430-440 гг.) - Качин, Ленгелтотти, Унтерзибенбрунн, Чорна; более поздние (440-450 гг.) - Якушвице, Батасек; позднейшие (450-460 гг.) – Печ-Усѐг, Сегед-Надьсекшош (оба, вероятно, около 454 г.), Вольфсхайм, Лаа, Бжиза, Смолин. Таблица 2 показывает, что среди скоррелированных керченских комплексов группы K1 тяжело выделить ранние и поздние по инвентарю, но комплексы подгруппы 2, в частности погребение 3 склепа 165, которое содержит двупластинчатую фибулу с “пальметками” (рис.5, 41), подобную фибулам из Смолина и Лаа (керченская несколько отличается, возможно, более ранняя), и п.3 склепа 154, где обнаружена пряжка с зооморфным язычком (рис.1, 60), подобным язычкам пряжек из Смолина (почти идентичная пряжка из склепа 431 Скалистого имеет язычок, чрезвычайно

	4	5	6	3	2	1	39	24	40	K1	K2	34	33	41	22	48	13	14	44	43	17	16	15	45	47	19	36	20	21	38	7	8	9	10	11	12			
III E																																							
IV C																																							
VIII A																																							
IV F2																																							
IV B																																							
VII																																							
IB1																																							
IA1																																							
IVA2																																							
IB5																																							
III B1																																							
II A1																																							
IB3																																							
IB2																																							
ID1																																							
XI																																							
IVA1																																							
VA1																																							
IB7																																							
IB4																																							
VI D																																							
IA3																																							
IA2																																							
IV D1																																							
IE1a																																							
III D4																																							
IE2																																							
VIB																																							
II B																																							
II A4																																							
II C																																							
III D7																																							
IV D2																																							
IE4																																							
IE6																																							
VIA																																							
II A2																																							
IE1b																																							
IV D3																																							
III D3																																							
II A3																																							
IE3																																							
VIC																																							
III D2																																							
VIE2																																							
IE5																																							
III D1																																							
III C1																																							
III C2																																							
III A3																																							
IC																																							
III D5																																							
II A6																																							
IV F3																																							
IID																																							

Таблица 3. Корреляция степных комплексов с керченскими и европейскими.
 Table 3. Correlation of steppe complexes with Kerch and European ones.
 Tabelle 3. Korrelation der Steppenkomplexe mit den kertschenen und europäischen.
 Tableau 3. Corrélation des complexes de steppe avec ceux de Kertch et européens

похожий на язычки бесщитковых пряжек Лаа) (Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993, рис.76, 23), датируются не раньше конца 40-х гг. V в. Впечатление более ранних создают погребения из Синявки и п.2 склепа 154 подгруппы 1 группы К1, в которых обнаружены двупластинчатые фибулы варианта Паа, но пряжка ID1 из последнего не относится к разряду ранних пряжек этого круга типа Качинской или Беляусской - она имеет рамку в виде сильно вытянутого овала (рис.2, 5), которая заставляет вспомнить не только тышаладанскую пряжку, но и пряжку из Сабадбатъяна, в Синявке же была сережка с полиедром - в склепе 165 такая сережка найдена в погребении 2 - одном из позднейших по данным стратиграфии. Об одновременности погребений №2 и №3 склепа 154 говорит и их стратиграфическое расположение (Амброз А.К., 1995, рис.3). Данные стратиграфии склепов 154 и 165 позволяют выделить только два горизонта: пп.1, 2, 3 склепа 154 и пп.1, 2, 3 склепа 165 составляют группу самых поздних погребений, остальные погребения упомянутых склепов несколько более ранние, но, судя по схожести инвентаря погребений обоих горизонтов, разница во времени между ними весьма незначительна. Сравнение материалов склепа №165 с ранним этапом Дюрсо побудило А.К.Амброза отнести его к 2-й половине V в. (Амброз А.К., 1989, с. 46-47). Но это вряд ли корректно. Дюрсо заметно выделяется на фоне синхронных кавказских или крымских комплексов, свидетельствуя о производстве большинства вещей готскими ремесленниками. Переселение в другой регион значительного количества населения с отрывом от ремесленной базы, как правило, вызывает радикальное изменение материальной культуры. Переселение же в инокультурный регион с сохранением своей ремесленной базы приводит наоборот к консервированию материальной культуры племени. Именно последний вариант наблюдается в культуре готов-готтракситов - хронологический этап I могильника Дюрсо отображает характер материальной культуры готов до 454-460 гг., поскольку ремесленники, оторванные от инновационного ремесленного мира Подунавья, продолжали в течение 2-й половины V в. использовать навыки и традиции, приобретенные до 454 г. В случае же с материалами склепа 165 эта закономерность не действует. Интересно, что в п.3 склепа 165 найден поясной наконечник ПА5 (рис.4, 22), аналогия которому есть в составе комплекса из Унтерзибенбрунна, что не позволяет нам расширять хронологические рамки п.3 склепа 165 (а значит и синхронных ему погребений) далеко во 2-ю половину V в. Первой половиной V в. ограничил дату данного погребения и А.И. Айбабин (Айбабин А.И., 1990, с. 51, рис.2). Учитывая вышесказанное, верхний горизонт группы К1 можно датировать в пределах 445-460 гг., нижний - 435-445 гг. Керченские склепы 154 и 165 были не семейными, а городскими, т.е. заполнялись максимум на протяжении 10-15 лет, поэтому реальная дата функционирования склепов (подчеркиваем *склепов*, а не *вещей*) может быть сужена до 440-455 гг. Эта дата не является подходящей для всей группы СК1, поскольку группе К1 соответствует только часть инвентаря погребений группы

С2. Ближайшей аналогией пряжке ID1 из погребения Беляус 1 (рис.2, 12) является пряжка из Качина (рис.2, 4), весь комплекс которого относится к началу этапа D2. Г-образные псалии с окончанием в виде полиедра находят аналогии в комплексах Унтерзибенбрунна и Ленгелтотти. Параллели в группе К1 находят лишь пряжки с ромбовидным и овальным щитком (рис.1, 42, 54). Эти обстоятельства позволяют нам предположить, что основная часть вещей комплекса Беляус 1 датируется началом этапа D2, т.е. 30-ми гг. V в., но само погребение произведено в начале 40-х гг. V в. Погребение Беляус 2 находилось рядом с погребением Беляус 1. Они схожи по погребальному обряду и, скорее всего, принадлежали представителям одного племени или даже рода. О временной близости погребений свидетельствуют пряжки с одинаковым язычком, украшенным на заднем и на переднем конце несколькими рельефными полосками (рис.1, 2, 8). Похожий язычок имеет пряжка с инкрустированным щитком из Мурга (Alfoldi A., 1932, taf. XXVI, 3). Подвзаяная фибула из этого погребения только сечением спинки отличается от фибулы из погребения 4 склепа 165 (Alfoldi A., 1932, taf. XXVI, 6; Сорокина Н.П., 1971, рис.4, 4), в котором также было зеркало, аналогичное зеркалам из Унтерзибенбрунна и Чорна. Погребение относится к нижнему горизонту группы К1. Этого же горизонта погребения 7 и 8 склепа 154, между которыми обнаружена стеклянная чаша типа IE, орнаментированная напаянными синими нитями (Засецкая И.П., 1979, рис.1, 12), близкая по форме чаше из Беляуса 2 (рис.5, 58). Чаша этого же типа из Синявки слегка отличается формой - пропорционально она заметно уже (Каменецкий И.С., Кропоткин В.В., 1962, рис.1, 1). Ближайшей аналогией к беляусской является практически идентичная чаша из Марфовки (рис.5, 55), позволяющая синхронизировать эти два погребения, которые, таким образом, помещаются в довольно узкие рамки 330-340 гг. При этом, костяная пряжка "кудыргинского" типа из Беляус 2 (Дашевская О.Д., 1991, рис.88, 8) никак на дату не влияет, свидетельствуя только об этничности погребенного. Марфовка датирует характерные только для группы С2 "кулоны" и диадемы в виде узкой инкрустированной полоски, т.е. датировка комплексов из Зеленокумса, Ленинска, Антоновки, Алешек и тилигульской диадемы ограничивается 430-440 гг. Эту же дату подтверждает комплекс из Чорны (Alfoldi A., 1932, taf. VIII), но, при этом, следует отметить, комплекс из Ленинска, по нашему мнению, более ранний, поэтому общая дата группы С2, на наш взгляд, период 420-445 гг. Общая дата группы СК1, таким образом, - период 420 - 460 гг. Не совсем ясна ситуация с погребением из Березовки. Диадема напоминает Марфовскую, но зеркало имеет рисунок, характерный для зеркал 2-й половины V - X вв. (Засецкая И.П., 1994, табл.28, 1,2), т.е. погребение предположительно можно датировать серединой V в. - это индивидуальная дата, не влияющая на комплексы группы С2.

Перейдем к группе СК2. Характерными чертами группы СК2 являются, в первую очередь, пряжки с инкрустацией различных видов (IE1a, IE1b, IE2, IE3, IE4),

наконечники ремней вариантов ПА2, ПА3, ПА4, ПБ, псалии ПА2, фибулы с инкрустацией, бляшки ППД1, ППД2, ППД3, ППД4, ППД5, серёжки IVA3, обкладки сёдел ПС1 и ПС2 и т.д. Нетрудно заметить, что датирование этой группы комплексов упирается в проблему появления изделий полихромного стиля, в зависимости от подхода к которой каждый из исследователей предлагает своё датирование. А.К.Амброз считал, что в керченских склепах не прослеживаются признаки постепенного сложения нового стиля, «ведущие формы вещей появляются здесь как бы в готовом виде». Это позволило исследователю предположить, что центром появления изделий полихромного стиля являлось Подунавье, а само появление таких изделий датируется не раньше 420-х гг. (Амброз А.К., 1966, с. 14-15). И.П.Засецкая сначала датировала керченские склепы №145, 154, 165 и два склепа 24/6/1904 вслед за Л.А.Мацулевичем концом IV - началом V вв., дату же степных комплексов расширила на всю 1-ю половину V в. (Засецкая И.П., 1979). Вернувшись опять к проблеме датирования упомянутых керченских склепов, И.П.Засецкая датировала склеп 145, склепы 24/6/1904, склеп 1896 г. и аналогичные им последней четвертью IV- первыми двумя десятилетиями V вв., склеп 154 - концом IV - первой половиной V вв., а склеп 165, по её мнению, функционировал до 2-й половины V в. (Засецкая И.П., 1990, с. 98-102). При этом проблема возникновения изделий полихромного стиля решается достаточно оригинально. И.П.Засецкая соглашается с А.К.Амброзом, что изделия с перегородчатой инкрустацией не имеют местных керченских истоков и являются импортными, но не уточняет, откуда, собственно, они были привезены, ограничиваясь такими географическими ориентирами, как «Восток», «Византия...особенно её восточная часть». Даты же многочисленных аналогий из Центральной Европы оказываются у И.П.Засецкой действительны только для степных комплексов группы С2 – они датированы периодом 425-454 гг. (!) (Засецкая И.П., 1990, с. 99-101; 1994, с. 71-74, 113-131). Еще менее удачна попытка И.А.Бажана и М.Б.Шукина ограничить дату боспорских склепов с полихромными изделиями второй половиной IV в. по монетам и индикациям в желании приблизить их к закавказским «аналогиям» III в. (Бажан И.А., Шукин М.Б., 1990, с. 83-96). А.И.Айбабин вслед за А.К.Амброзом синхронизировал европейские комплексы с полихромными изделиями с керченскими, датировав их 1-й половиной V в. (Айбабин А.И., 1990, с. 59-63). Как показывают таблицы 2 и 3, комплексы группы СК2 действительно находят большое количество аналогий в европейских комплексах Унтерзибенбрунн, Ленгельтотти, Вольфсхайм, Якушвице, Батасек, Сегед-Надьсекшош, Лаа и т.д., т.е. в тех же комплексах, аналогии в которых находят материалы из комплексов группы СК1. Чем объяснить в таком случае различия между группами К1 и К2 и, шире, СК1 и СК2? Первое объяснение - разница в социальном статусе. Погребения группы К2 отличаются богатством инвентаря, большим количеством золотых изделий. Но погребение 2 склепа 154 нельзя

назвать бедным, поскольку среди погребального инвентаря были золотой веночек, золотые бляшки, золотые пронизи, пара привозных массивных серебряных фибул и явно дорогая импортная серебряная пряжка ID1. Золотой веночек содержало и погребение 5 склепа 165. Почему в этих погребениях отсутствуют любые, даже наиболее дешевые изделия полихромного стиля? Почему в комплексах группы К2 отсутствуют изделия типа качинских, которые также не принадлежали рядовому владельцу? Далее, обратим внимание на соответствие между комплексами из склепов 24/6/1904 и Унтерзибенбрунна. Кроме схожих пряжек с инкрустацией, это: двупластинчатые фибулы с инкрустацией, фибулы- «цикады», золотые браслеты с концами в виде звериных головок, подвески в виде объединенных между собой частей, нижняя из которых оформлена в виде листка, круглое зеркало, косметический набор, состоящий из «ногтечистки» и «уховертки», подвешенных на кольцо, гребни, перстни со вставками. Это также ряд маленьких бляшек-накладок: в виде зигзага; в виде зигзага, пространство которого заполнено с одной стороны так, что бляшка выглядит зубчатой; восьмёркообразная бляшка в виде двух объединенных спиралей; маленькие круглые бляшки со вставкой; маленькие треугольные бляшки со вставкой и «ушком» сверху; прямоугольные маленькие бляшки, обрамленные рубчатым ободком, декорированные двумя рядами круглых рельефных тисненых выпуклостей (см. Приложение - Блок). Большинство из них является нашитыми деталями сложной аланской диадемы, реконструированной Э.А.Хайрединовой по материалам склепа 82 из Лучистого (Aibabine A., Khairedinova E., 1997, р. 72-75; photos p. 28, 39, 70). Весь этот набор вещей свидетельствует, что перед нами не *хронологически*, а, в первую очередь, *этнографически* идентичные погребения. Совокупность деталей костюма, вооружения, снаряжения коня, предметов хозяйственного, личного назначения и т.п. определяет этнографический вид населения, который обычно отличается в разных регионах проживания одного этноса, но в то же время довольно часто покрывает и представителей разных этносов. Последнее, как показывают этнография современных народов и историческая этнография, возможно в контактных зонах и тесно интегрированных экономически и культурно полиэтнических государственных образований. Но Боспор и среднедунайский регион трудно объединить в этих моделях. Похожая ситуация со степными комплексами. Новогригорьевские могилы VIII и IX, погребения из к-за Калинина и Феодосии чрезвычайно близки к паннонским комплексам Батасек, Печ-Усёт, Сегед-Надьсекшош и т.п. Кроме пряжек, их объединяют однотипные мечи VIA с навершием VIB, обкладки лука VIE2, своеобразный набор конского снаряжения – обкладки сёдел ПС1, ПС2, узды – ППД1, ППД2, ППД5, ременные наконечники ПА3 и т.д. Новогригорьевские погребения объединяет с погребениями из Печ-Усёта и Сегед-Надьсекшоша и погребальный обряд – трупосожжение. Ещё выразительнее готский могильник Дюрсо близ Новороссийска. Возникает вопрос: почему носители одного этногра-

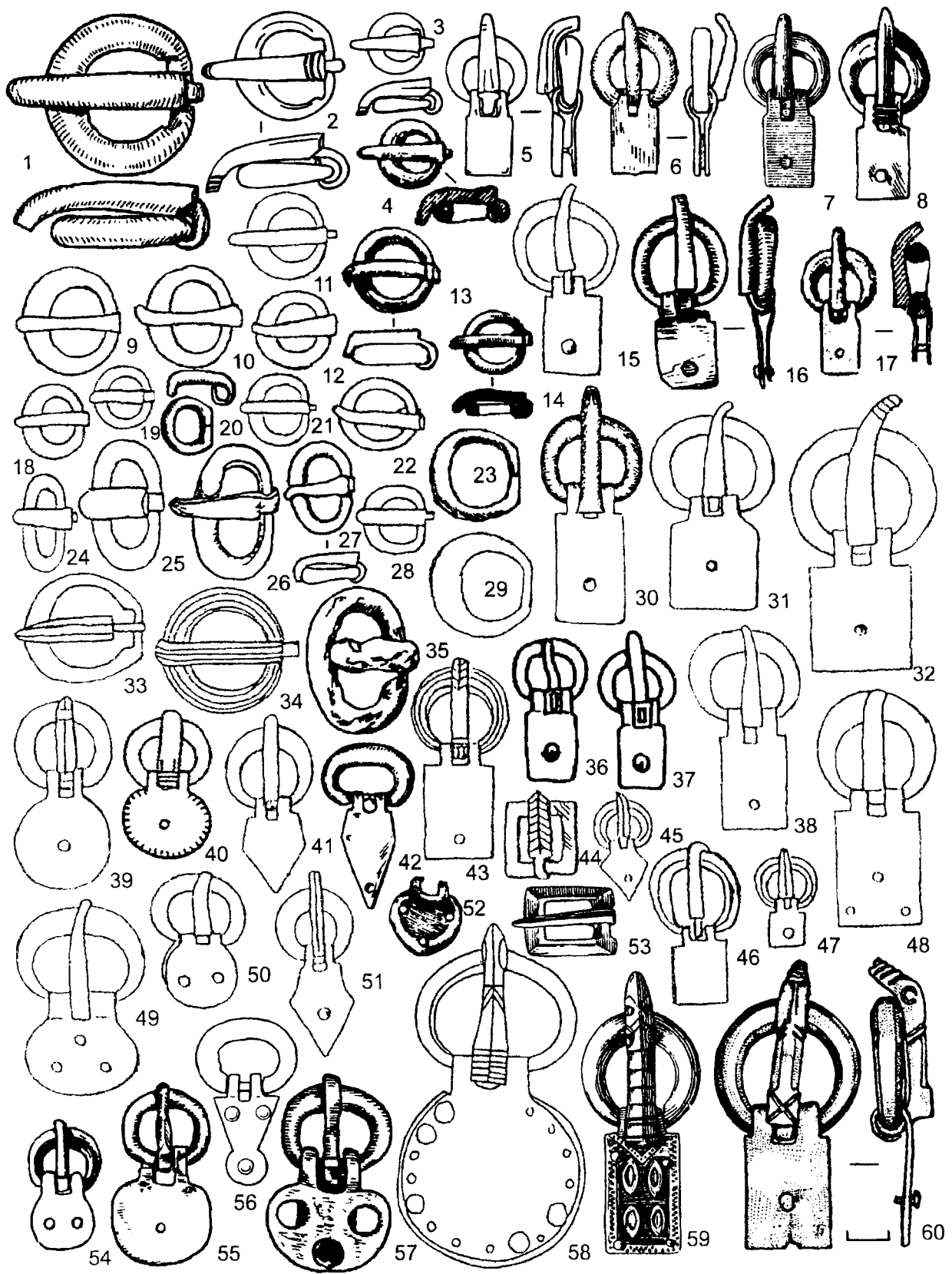

Рис. 1. 1 – Новая Маячка; 2, 3, 5 – Беляус 2; 4, 17 – Кубей, к.8, п.2; 6 – Зеленокумск; 7, 53, 59 – Бжиза; 8, 42, 52, 54 – Беляус 1; 9, 10, 26, 27 – Керчь, склеп 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Керчь, склеп 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Керчь, склеп 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Керчь, склепы 24/6/1904; 13, 23 – к-з Калинина; 14 – Новогригорьевка, м.VIII; 16, 55, 57 – Здвиженское; 20 – Ровное, к.42; 22, 40, 58 – Смолин; 30 – Лермонтовская скала, к.10; 35 – Саги; 36, 37 – “Восход”; 56 – Качин.

Fig. 1. 1 – Novaya Mayachka; 2, 3, 5 – Belyaus 2; 4, 17 – Kubey, tumulus 8, interment 2; 6 – Zelenokumsk; 7, 53, 59 – Bzhysa; 8, 42, 52, 54 – Belyaus 1; 9, 10, 26, 27 – Kerch, vault 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Kerch, vault 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Kerch, vault 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Kerch, vaults 24/6/1904; 13, 23 – Kalinin collective farm; 14 – Novogrigoryevka, grave VIII; 16, 55, 57 – Zdvizhenskoie; 20 – Rovnoie, tumulus 42; 22, 40, 58 – Smolin; 30 – the Lermontov rock, tumulus 10; 35 – Sagi; 36, 37 – “Voskhod”; 56 – Kachin.

Abb. 1. 1 – Nowaja Majatschka; 2, 3, 5 – Beljaus 2; 4, 17 – Kubej, Hunengrab 8, Grabstätte 2; 6 – Selenokumsk; 7, 53, 59 – Bchisa; 8, 42, 52, 54 – Beljaus 1; 9, 10, 26, 27 – Kertsch, Grabgewölbe 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Kertsch, Grabgewölbe 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Kertsch, Grabgewölbe 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 13, 23 – Kollektivwirtschaft Kalinin; 14 – Nowogrigorjewka, Grab 8; 16, 55, 57 – Sdwishenskoje; 20 – Rownoje, Hunengrab 42; 22, 40, 58 – Smolin; 30 – Lermontowfelsen, Hunengrab 10; 35 – Sagi; 36, 37 – “Woschod”; 56 – Katschin.

Dessin 1. 1 – Novaïa Maïatchka; 2, 3, 5 – Bélialous 2; 4, 17 – Koubeï, dépôt 8, sép. 2; 6 – Zélénokoumsk; 7, 53, 59 – Bjyza; 8, 42, 52, 54 – Bélialous 1; 9, 10, 26, 27 – Kertsch, caveau 145; 15, 19, 21, 24, 25, 28, 29, 33, 44, 46, 47, 60 – Kertsch, caveau 154; 11, 31, 32, 34, 39, 41, 43, 45, 48, 51 – Kertsch, caveau 165; 12, 18, 38, 49, 50 – Kertsch, caveaux 24/6/1904; 13, 23 – kolkhoze Kalinin; 14 – Novogrigorievka, tombe VIII; 16, 55, 57 – Zdvijenskoé; 20 – Rovnoé, tumulus 42; 22, 40, 58 – Smolin; 30 – rocher Lermontov, tumulus 10; 35 – Sagui; 36, 37 – “Voskhod”; 56 – Katchin

фического вида, или даже больше – этноса, жившие в Паннонии, оказались на Боспоре, в Причерноморской степи и на Северном Кавказе? Появление могильника Дюрсо А.В.Дмитриев и А.К.Амброз связали с уходом на Восток после событий 454 г. готов-тетракситов (Дмитриев А.В., 1979, с.52-56; 1982, с. 69-107; Амброз А.К., 1989, с.44-50). Возможное единство степной культуры от Паннонии до Дона подрывается существованием погребений группы С2. Не известны и изделия с перегородчатой инкрустацией в аланских склепах 1-й половины V в. Лучистого. Где решение проблемы? Вспомним, первоначально А.К. Амброз расширял дату гуннских памятников Причерноморья на весь V в. (Амброз А.К., 1971, с. 115), позже ко 2-й половине V в. им был отнесен только один комплекс из Дмитриевки (Амброз А.К., 1982, с.21). Но в одном из последних своих трудов исследователь опять начал возвращаться к прежнему мнению: “справедливая для Запада дата гуннской эпохи произвольно переносится и на Восточную Европу, куда дунайские гунны отступили после 453 г. и где, соответственно, их культура и традиции не подверглись насильственному прекращению, как на Западе” (Амброз А.К., 1989, с. 44). Исследователь держал в руках “ключ”, которым так и не сумел воспользоваться. После поражения в битве при Недао в 454 г. гунны потеряли Паннонию и Дакию, заняты остроготами и гепидами. По свидетельству Иордана (Иордан, 1997, с.263, 264), гунны заняли “свои давние места”, а точнее “берег Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы”, но тут же объясняет, что речь идет лишь о Дакии и Малой Скифии (Иордан, 1997, с.111, 112). Более конкретным является свидетельство об отходе в Причерноморье гуннов

после поражения от Валамера где-то около 454-455 гг. (по Иордану, в год рождения Теодориха) (Иордан, 1997, с.268, 269): “обращённые в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своём языке гунны называют его Вар” (Иордан, 1997, с.112, 113). Вместе с гуннами в Причерноморье отошли аланы и готы-тетракситы, которые, очевидно, сражались в битве при Недао на стороне гуннов. В последний раз, как весомая военная сила, гунны появляются на византийских границах в 467 г., но после поражения Денгизиха гунны уже больше не тревожили империю. Следовательно, за период 454-467 гг. в Северном Причерноморье должны были появиться памятники гуннов с уже сформированным в Паннонии комплексом материальной культуры эпохи расцвета гуннского могущества. Парадокс заключается в том, что все паннонские вещи должны были быть изготовлены еще до переселения, т.е. прямолинейная синхронизация таких комплексов с паннонскими даст неверную дату. Нетрудно понять, к чему клонит автор, - комплексы группы С4 идеально ложатся в эту схему. Несмотря на то, что ситуация с крымскими комплексами. Как показывает таблица 2, среди материалов склепов 24/6/1904 есть вещи, которые находят аналогии в самых поздних комплексах группы К1, но из-за отсутствия документации о происхождении предметов, их нельзя рассматривать, как доказательство синхронности групп К1 и К2. В принципе, вполне возможным объяснением будет предположение, что два склепа не синхронны, и эти вещи происходят из другого склепа, синхронного группе К1. Стратиграфическое расположение погребений 7 и 9 склепа 154, отнесенных нами

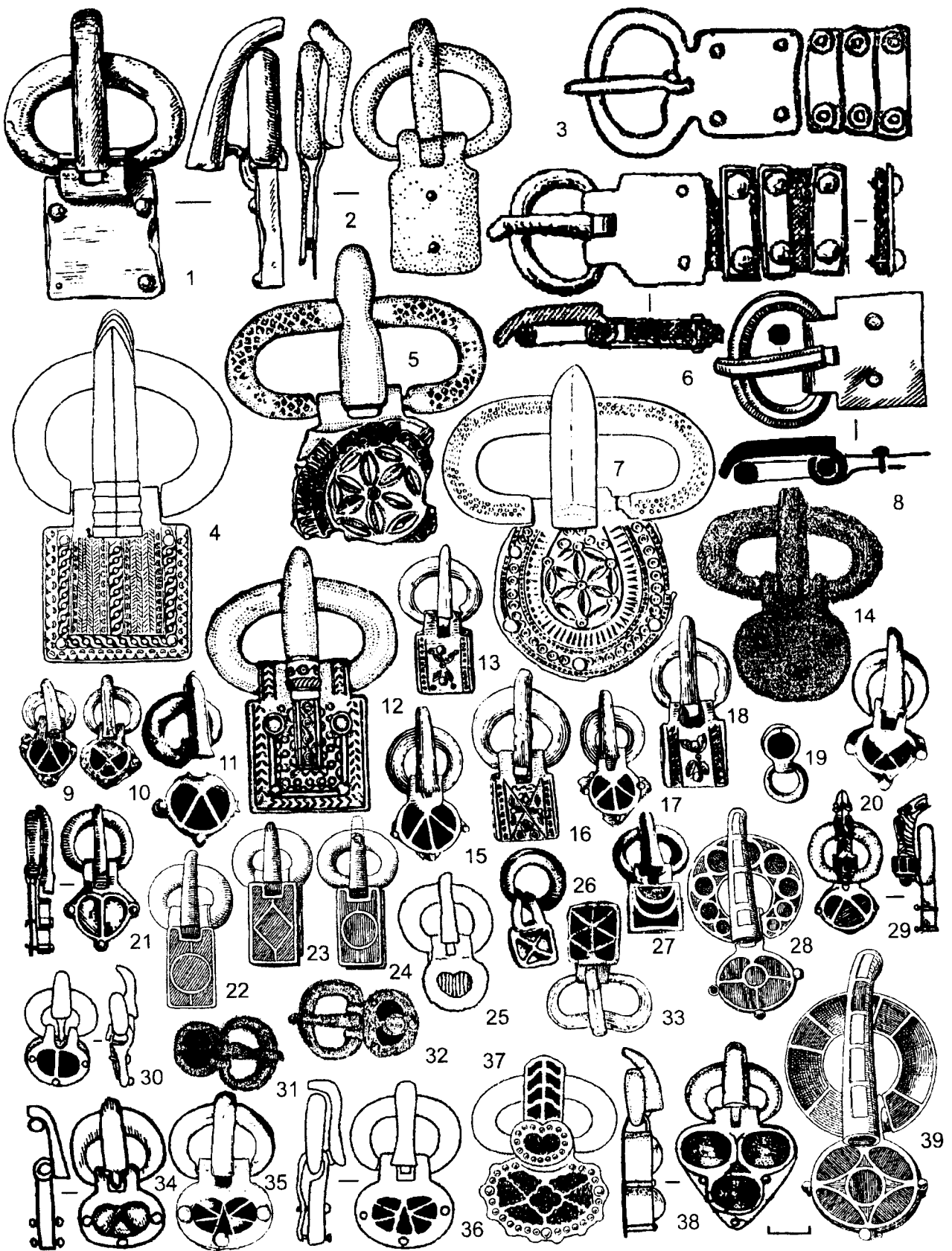

Рис. 2. 1 – Здвиженское; 2 – Балки; 3 – Капуловка; 4 – Качин; 5 – Керчь, склеп 154; 6 – Кубей, к.8, п.2; 7 – Тышаладаны; 8, 21 – Новогригорьевка, могила IX; 9, 10, 33 – Лаа; 11, 27 – Сзегед-Надьсекиош; 12 – Беляус 1; 13, 15-19 – Унтерзибенбрунн; 14, 31, 32 – Керчь, склеп 1896 г.; 20 – Музей исторических драгоценностей Украины; 22, 23, 25, 28, 39 – Керчь, склепы 24/6/1904; 26 – Новогригорьевка, могила VIII; 29, 38 – Керчь, “Новиковский” склеп; 30, 35 – Чикаренко; 34 – Ново-Ивановка; 36 – Венгерский национальный музей; 37 – Апахида.

Fig. 2. 1 – Zdvizhenskoie; 2 – Balki; 3 – Kapulovka; 4 – Kachin; 5 – Kerch, vault 154; 6 – Kubey, tumulus 8 interment 2; 7 – Tyshaladany; 8, 21 – Novogrigoryevka, grave IX; 9, 10, 33 – Laa; 11, 27 – Szeged-Nadyszekos; 12 – Belyaus 1; 13, 15-19 – Untersiebenbrunn; 14, 31, 32 – Kerch, vault 1896; 20 – The Museum of historical jewelry of Ukraine; 22, 23, 25, 28, 39 – Kerch, vaults 24/6/1904; 26 – Novogrigoryevka, grave VIII; 29, 38 – Kerch, “Novikovsky” vault; 30, 35 – Chikarenko; 34 – Novo-Ivanovka; 36 – The National Museum of Hungary; 37 – Apakhida.

Abb. 2. 1 – Sdwichenskoje; 2 – Balki; 3 – Kapulovka; 4 – Katschin; 5 – Kertsch, Grabgewölbe 154; 6 – Kubei, Hunengrab 8, Grabstätte 2; 7 – Tischaladani; 8, 21 – Nowogrigorjewka, Grab 9; 9, 10, 33 – Laa; 11, 27 – Szeged-Nadyszekos; 12 – Beljaus 1; 13, 15-19 – Untersiebenbrunn; 14, 31, 32 – Kertsch, Grabgewölbe 1896; 20 – Museum der historischen Kostbarkeiten der Ukraine; 22, 23, 25, 28, 39 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 26 – Nowogrigorjewka, Grab 8; 29, 38 – Kertsch, Grabgewölbe “Nowikowskij”; 30, 35 – Tschikarenko; 34 – Nowo-Iwanowka; 36 – Ungarisches Nationalmuseum; 37 – Apakhida.

Dessin 2. 1 – Zdvijenskoé; 2 – Balki; 3 – Kapoulovka; 4 – Katchin; 5 – Kertsch, caveau 154; 6 – Koubeï, tumulus 8, sépulture 2; 7 – Tychaladany; 8, 21 – Novogrigorievka, tombe IX; 9, 10, 33 – Laa; 11, 27 – Szeged-Nadyszekos; 12 – Béliaous 1; 13, 15-19 – Untersiebenbrunn; 14, 31, 32 – Kertsch, caveau de l’an 1896; 20 – Musée des trésors historiques de l’Ukraine; 22, 23, 25, 28, 39 – Kertsch, caveaux de 24/6/1904; 26 – Novogrigorievka, tombe VIII; 29, 38 – Kertsch, caveau “Novikovski”; 30, 35 – Tchikarenko; 34 – Novo-Ivanovka; 36 – Musée National de Hongrie; 37 – Apakhida.

к группе K2, свидетельствует об их принадлежности к нижнему горизонту группы K1. Но инвентарь данных погребений несколько специфичен на фоне комплексов группы СК2. В первую очередь, здесь отсутствуют паннонские изделия в стиле перегородчатой инкрустации. Критерием отнесения их к группе K2 стали только несколько признаков. Первый – наличие перстня со вставкой – этнографическая деталь. В п.9 обнаружена пара золотых сережек IVA3 (рис.5, 66) и две золотых обкладки от круглых фибул-брошек с янтарными и сердоликовыми вставками (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 9,10). Последние не известны в комплексах группы СК2 и имитируют более ранние образцы. Пара практически идентичных сережек происходит из материалов склепов 24/6/1904 (рис.5, 68), склепа 82 Лучистого (Aibabine A., Khairedinova E., 1997, р. 72-75; photo p. 73). Дата последнего не совсем четкая – 1-я половина V в., более конкретную дату – 2-я четверть V в. – имеет склеп 88, где найдена пара отдаленно похожих сережек (Aibabine A., Khairedinova E., 1997, р. 76-77; photo p. 73, п.124). В погребении 7 склепа 154, кроме перстня, обнаружены обломки серебряной двупластинчатой фибулы, обтянутой электроной фольгой с вырезанными в ней гнездами (рис.5, 52). Фибула, даже судя по оставшемуся фрагменту, отличается от инкрустированных фибул из склепов 24/6/1904 и “Новиковского” (рис.5, 53, 54). В первую очередь, это обтягивание фибулы не золотым, а электровым листом, также отличается стилистика инкрустации. Фибула из погребения 7 склепа 154 украшена на щитке только тремя относительно крупными круглыми вставками, в то время, как щитки фибул склепов 24/6/1904 и “Новиковского” инкрустированы пятью

небольшими овальными или каплевидными вставками, фибулы также декорированы S-видными завитками. Иными словами, фибула из п.7 склепа 154 выполнена в другой, более простой, манере, чем фибулы склепов 24/6/1904 и “Новиковского”, поэтому может считаться более ранней. Комплекс мелких бляшек-накладок из склепов 24/6/1904 слегка отличается от диадемы склепа 82 Лучистого. В последней не было прямоугольных бляшек с рубчатым ободком, украшенных двумя рядами круглых выпуклостей, восьмеркообразных бляшек и подвесок в виде двух объединенных частей, одна из которых оформлена в виде листка дерева (рис.5, 37, 39, 24). Все эти детали представлены в комплексе из Унтерзибенбрунна. Треугольная бляшка, декорированная круглыми выпуклостями (рис.5, 20), не известна в Унтерзибенбрунне – аналогия была в комплексе из Франции (Tejral J., 1985, obr.2, 4), который также содержал набор бляшек от диадемы. Вместо этого, диадема из Лучистого имела подвески в виде лунниц, концы которых закручены в спираль, не известные в склепах 24/6/1904 и Унтерзибенбрунне, но находящие аналогии в сарматских комплексах IV в. (Гросу В.И., 1990, с.157, табл.4, В-7). Т.е. из двух однотипных диадем диадема склепов 24/6/1904 оказалась ближе не крымской, а паннонской. Далее о конкретных вещах. В склепе “1896 г.” обнаружена пряжка (рис.2, 14), которая по форме точно повторяет пряжку из п.2 склепа 154 (рис.2, 5), и, несомненно, является её имитацией, что, учитывая дату данного погребения 445-455 гг., датирует склеп “1896 г.” не ранее этого времени. Браслету с утолщёнными концами (склепы 145, “1896 г.”) – аналогия: Вольфсхайм (по сочетанию фибулы VD и пряжек – 450-460 гг.), Апахида, Межоберены, Мойград (все – 460-500 гг.)

(Fettich N., 1953, pl. XXVI, 2; XXII, 4; XXVIII, 8; XLVI, 1, 2). Пряжка IE1a из “Новиковского” склепа (рис.2, 29) имеет ярко выраженный зооморфный язычок, зооморфный язычок имеет и бесщитковая пряжка с прямоугольной рамкой, украшенная в углах круглыми вставками (из коллекции А.Л.Бертье-Делагарда) (рис.3, 20), ближайшей аналогией к которой является пряжка из склепов 24/6/1904 (рис.3, 21). Как указывалось, зооморфный язычок характерен для изделий конца этапа D2 (Лаа, Смолин, Бжиза). Чрезвычайно характерные для паннонских комплексов этапа D2 пряжки IE1a представлены в Причерноморье только одним “классическим” экземпляром из фондов Музея исторических драгоценностей Украины (рис.2, 20), но место находки пряжки не известно. Круглую рамку и длинный язычок имеют пряжки из станицы Ахтанисовской (ОАК за 1900 г., рис.220), но на щитке нет выступов для штифтов, а диаметр рамки в полтора раза превышает диаметр щитка, что не характерно для паннонских пряжек. Пряжка из новогригорьевской могилы IX имеет овальную рамку (рис.2, 21). Овальные рамки также имеют пряжки из Сегед-Надьсекшоша и Лаа (рис.2, 9-11, 27), но у них длинные язычки, а не короткие, как в Новогригорьевке. У керченских же пряжек инкрустированы язычки и рамки, а щитки уже не круглые, а овальные (рис.2, 28, 39). Инкрустация язычка – простейшая – это камень, укрепленный на заднем конце язычка пряжки из могилы VIII Новогригорьевки (рис.3, 10) и квадратной пряжки из склепов 24/6/1904 (рис.3, 21); более сложные – зооморфизация (“Новиковский” склеп) (рис.2, 29), сплошное покрытие площади язычка (две пряжки склепов 24/6/1904) (рис.2, 28, 39). Инкрустация рамки – у двух пряжек IE1a и квадратной пряжки из склепов 24/6/1904 (рис.2, 28, 39; рис.3, 21). Инкрустация язычка известна в комплексах Апахиды (рис.2, 37), Флонхайма, Мойграда и др. (Fettich N., 1953, pl. XXXII, 3; XLI, 1), рамки – Мойграда, Комарома и др. (Fettich N., 1953, pl.XLI, 1; Alfoldi A., 1932, taf.XXXII). Эти сложнейшие технологические приемы не известны в комплексах этапа D2 и появляются только на пряжках следующего горизонта Турнэ-Апахиды. Только в этом горизонте известны и пряжки IE1b. Самые ранние экземпляры происходят из позднейшего паннонского гуннского погребения – Сегед-Надьсекшоша (Fettich N., 1953, pl. I, 4). Рамка уже не круглая, а овальная, язычок широкий и облегает рамку, штифты уже на щитке, а не снаружи, форма вставки уже приближается к “почковидной”. Выраженную “почковидность” имеет щиток ременной петли (Fettich N., 1953, pl. I, 8), но на нём нет штифтов. Развитые экземпляры из Апахиды и Флонхайма имеют стандартные удлинённо-овальные рамки и щитки с инкрустацией в форме почки, широкий язычок, плотно облегающий рамку (Fettich N, 1953, pl. XXIII, 7, 8; XXXII, 3, 5). Полностью этим параметрам не отвечает ни одна пряжка из Причерноморья. Язычок одной из пряжек Чикаренко несколько уже (рис.2, 35), а рамки этой пряжки и пряжки из Ново-Ивановки (рис.2, 34) – несколько шире. Язычок другой пряжки из Чикаренко (рис.2, 30) идентичен язычку пряжки из Будапештского музея (Alfoldi A., 1932,

taf.XXXIV, 16), но щиток последней инкрустирован уже характерными для горизонта Апахиды почковидными вставками, ближайшая же пряжка к трем вышеупомянутым имеет характерные “волнистые” перегородки (Alfoldi A., 1932, taf.XXXIV, 14) (рис. 2, 36). Пряжки из склепа “1896 г.” и имитация пряжек данного типа из Раденска имеют широкую овальную рамку и узкий язычок (рис.2, 31, 32; рис.3, 12). У пряжки из склепов 24/6/1904 такая же рамка и язычок, но щиток ещё более ранний, аналогичный сегед-надьсекшошскому (рис.2, 25). Условно отнесённые к этому типу две пряжки из “Новиковского” склепа (рис.2, 38) имеют характерную для горизонта Апахиды форму рамки и широкий язычок, но язычок в традициях гуннского времени выступает за рамку. Удлинённо-овальные рамки имеют и все пряжки вариантов IE2 и IE4 из склепов 145 и 24/6/1904 (рис.2, 22-24; рис.3, 6, 7), новогригорьевских могил VIII и IX, язычок некоторых из них “притерт” к рамке (рис.3, 1, 2). Широкую овальную рамку имели и практически все пряжки с неинкрустированными щитками из склепов 24/6/1904, пряжка из склепа 145, пряжка из п.3 склепа 165 (рис.1, 31, 38, 49, 50). Только одна из пряжек склепов 24/6/1904 имела “обычный” для V в. длинный язычок. Следует также отметить и пряжки IA3 из склепов 145, 154, комплекса из Саг, чрезвычайно похожие и на пряжки IV в., и на пряжки IE1b (рис.1, 24-27, 35). Неудивительно, что все эти признаки ошибочно приняты И.П.Засецкой за традиции IV в. (Засецкая И.П., 1990, с.99), хотя переход к овальным рамкам и укорочение язычков, которые иллюстрируют комплексы группы СК2, являются закономерными процессами 2-й половины V в. Наконец, хотя мы и настойчиво пытались уйти от скользкой темы критериев выделения стилистических групп, тем не менее нельзя обойти вопрос соотношения 4-й и 5-й стилистических групп по И.П.Засецкой (Засецкая И.П., 1982; 1994, с. 68-75). Трудно не заметить, что 4-я стилистическая группа практически полностью построена на материалах склепов 145 и 24/6/1904 с добавлением материалов из Концешт и Сегед-Надьсекшоша. Но наиболее интересна 5-я группа – И.П.Засецкая “отсекла” в 5-ю группу лишь орнаментальные мотивы, не представленные в группе 4, исходя из того, что остальные появились ещё в группе 4, т.е. уже исходя из уверенности об их одновременности. Так ли это? Попытка построить стилистическую группу изделий с перегородчатой инкрустацией гуннского времени без пряжек из керченских склепов будет безрезультатной. Лишь по несколько изделий происходит из Концешт и Печ-Усёга, коллекция набирается только в Сегед-Надьсекшоше. Но в двух последних уже есть волнистые перегородки, столь характерные для изделий горизонта Апахиды (Alfoldi A., 1932, taf.IV, 12; Fettich N., 1953, pl.I, 23-25), что только подтверждает их датировку, как позднейших паннонских гуннских захоронений. Керченские изделия много сложнее. Если в Сегед-Надьсекшоше только появляются вставки сложных конфигураций, например, характерная для изделий горизонта Апахиды “почковидная”, то в Керчи она – уже ключевой

компонент композиции вместе с не менее сложной сердцевиной вставкой. Более того, круглые, сердцевидные и почковидные вставки вписаны в прямоугольные контуры путем заполнения свободного пространства соответствующей формы мелкими вставками. Аналогии этой сложной технике опять находим только в изделиях горизонта Апахиды. Совокупность приведенных фактов позволяет уверенно поместить комплексы группы К2 в промежутке между Сегед-Надьсекшошем и Апахидой, т.е. датировать периодом 455-475 гг.

Керченские склепы 145 и 24/6/1904 принадлежали представителям паннонской аланской знати, которые вследствие событий 454-467 гг. оказались в Крыму и осели на Боспоре. С собой они могли принести не только вещи, но и связи с провинциально-римскими мастерскими, поэтому говорить об аланской принадлежности всех керченских погребений с инкрустированными изделиями преждевременно. Что касается группы С4, то сомнений в её этносе быть не может. Привлекает внимание лишь группа погребений Ново-Ивановка, Чикаренко, Раденск и, возможно, Дмитриевка с вещами, изготовленными приблизительно в период 455-470 гг. Вероятно, они отражают последнюю волну отхода гуннов на восток после 467 г. Ни в этой группе (назовем её группой С4b), ни, понятно, в группе С4а, нет вещей, характерных для развитого горизонта Апахиды, что свидетельствует о кратковременности проживания гуннов в Причерноморье. Верхняя дата устанавливается опять-таки при помощи письменных источников. Если разбившие в 463 г. акациров сарагуры, оногуры и уроги (огуры) не смогли проникнуть в Причерноморье и остались на Кавказе, то уже в 479 г. в Подунавье впервые засвидетельствованы болгары. В.Т.Сиротенко на основании поздней глоссы датирует их появление там 475 г. (Сиротенко В.Т., 1972, с. 200-202). В любом случае, археологический материал подтверждает верхнюю дату - не позже 475-480 гг.

К группе С4, на наш взгляд, следует отнести также все находки котлов "гуннского" типа из Восточной Европы. Как показало исследование А.Н.Боковенко и И.П.Засецкой (Боковенко А.Н., Засецкая И.П., 1993), непосредственных прототипов таких котлов на Востоке нет - речь идет лишь об отдельных отдаленных аналогиях, что, на наш взгляд, свидетельствует об окончательном формировании котлов гуннского типа уже в Подунавье и их появлении восточнее вместе с гуннами после 454 г. К каталогу котлов И.П.Засецкой следует добавить четыре неотмеченные находки обломков котлов из Ольвии (Редина Е.Ф., Россохацкий О.А., 1994, с. 152, рис. 1, 4), Неополя Скифского (Ачкинази И.В., 1987, с. 207-210; рис. 1), Тымково (Одесская обл.) (Редина Е.Ф., Россохацкий О.А., 1994, с. 152-153, рис. 1, 1) и Переволочной (Полтавская обл.) (Левченко Д.И., Супруненко А.Б., 1994, с. 77-80, рис. 30).

В свете дат групп С2 и С4, комплексы группы С3, которые, как наглядно показывает таблица 1, являются промежуточным звеном между ними, прекрасно вписываются в рамки 440-554 гг. В этой группе находятся такие комплексы, как Мелитополь, Старая Иг-

рень, Здвиженская, Верхне-Яблочное, датированные А.К.Амброзом VII в. На основании пересечения географических ареалов групп С3 и С4, исследователь пришел к выводу, что нельзя предположить возможность сосуществования на одной территории в гуннское время двух групп кочевников с различной материальной культурой, а поэтому отнес вышеупомянутые погребения к VII в., "закрыв глаза" на присутствие в их составе несомненных вещей V в. (Амброз А.К., 1989, с. 66). Новые датировки группы С4 снимают противоречия. Комплексы группы С3 оставлены тем же местным причерноморским населением, что и комплексы группы С2, но во время, синхронное появлению основных элементов комплексов группы С4, т.е. около 440-454 гг.

Несколько проблематична дата погребения, не включённого в корреляционную таблицу. Оно открыто в кургане около с.Изобильного в Крыму (Юрочкин В.Ю., 1993, с. 248-249) и относится к группе погребений с восточной ориентацией (Балки, Сад, Зеленокумск, п. 2 к. 8 Кубея). Пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 6, 16) в степных комплексах встречена впервые, похожая, но менее вытянутая пряжка была в склепе 88 Лучистого (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1997, рис. 16, 28). Другая пряжка (рис. 6, 17) - характерная для групп С2, С3 - пряжка IA1. Зеркала с похожим рисунком (рис. 6, 15) были в погребении 4 керченского склепа 165 (Сорокина Н.П., 1971, рис. 4, 4), в Чорне (Alfoldi A., 1932, taf. VIII), Унтерзибенбрунне (Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, рис. 2). В погребении 2 кургана 8 Кубея были трапцевидные бляшки (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990, рис. 18, 8, 10), близкие по форме бляшкам из Изобильного (рис. 6, 18-20), но без чешуйчатого орнамента. Как видим, дискусионность даты погребения состоит в вопросе отнесения его к группе С2 или С3. По зеркалу и пряжке с прямоугольной рамкой более вероятной нам кажется принадлежность погребения к группе С2.

Группа С5 объединяет близкие по инвентарю и территориально комплексы региона Заволжья: курганы 17 и 18 около г. Покровска, погребение из колхоза «Восход», курган 4 возле с.Владимирское, курганы 2, 3 около ст. Шипово и комплекс из Поднепровья - могила VII из Новоигорьевки. Характерным признаком группы являются бляшки-обкладки узды с изображением человеческого лица - «личины» и узкие прямоугольные бляшки, окруженные по контуру рубчатым ободком и тисненным орнаментом в виде зерен. Датировочный материал из комплексов крайне скуден. Для датирования пригодны только комплексы из «Восхода» и кургана 3 из Шипово. Дату комплекса «Восход» И.П.Засецкая и А.К.Амброз единодушно отнесли ко второй половине V в. (Засецкая И.П., 1994, с. 128; Амброз А.К., 1989, с. 43-44). Основанием для датирования послужила инкрустированная накладка на ножны или перекрестье меча (рис.4, 11) западноевропейского происхождения, аналогии к которой происходят из комплексов второй половины V в. (Засецкая И.П., 1986, с. 86; Амброз А.К., 1989, с. 44). Также, по И.П.Засецкой, на 2-ю половину V в. указывает и поясная пряжка (Засецкая И.П., 1994, с. 128). Но аналогий

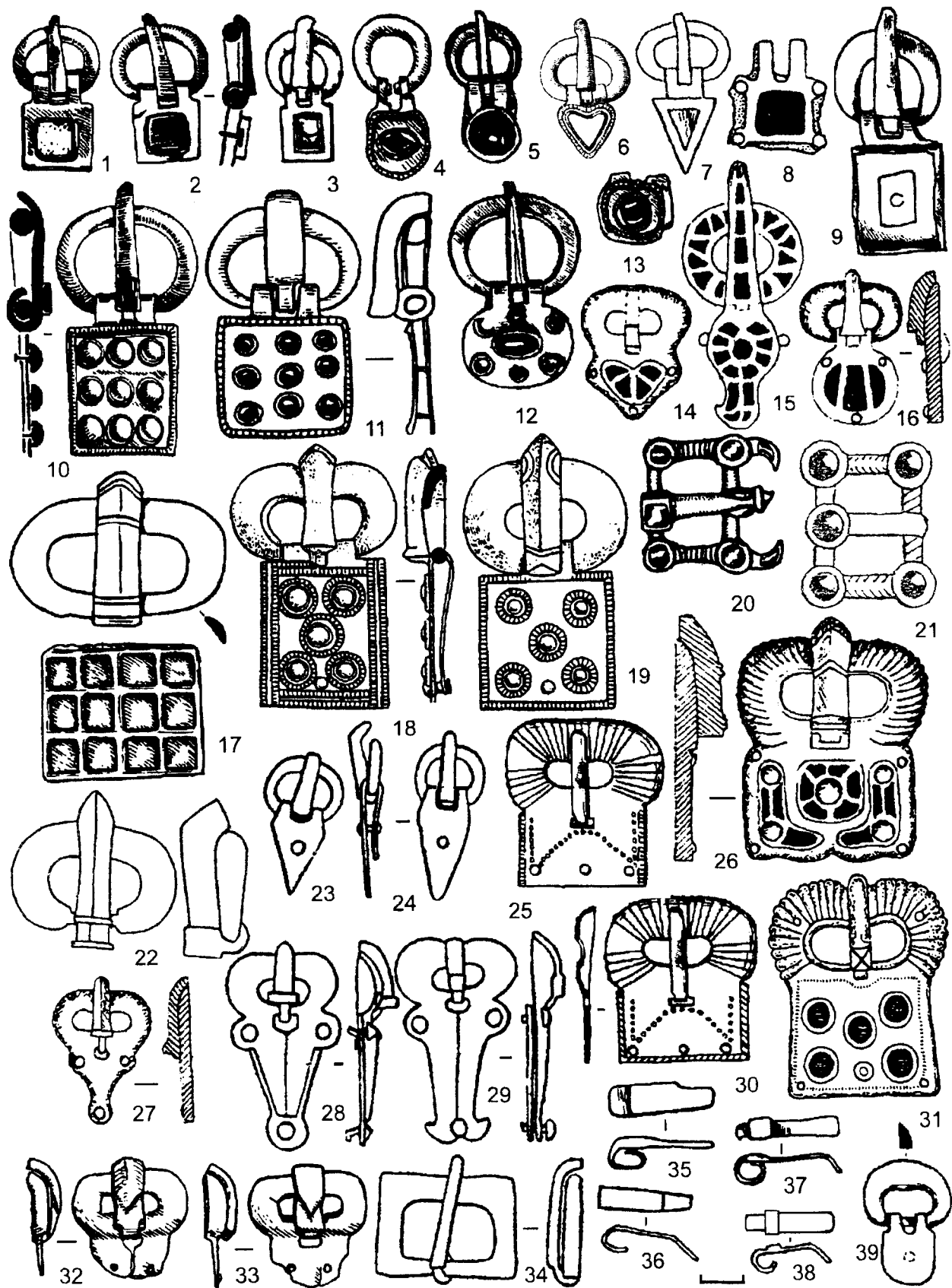

Рис. 3. 1, 10 – Новогригорьевка, могила VIII; 2 – Новогригорьевка, могила IX; 3, 9 – Саги; 4, 13 – Кучугуры; 5, 12 – Раденск; 6, 7, 22 – Керчь, склепы 24/6/1904; 8 – Чикаренко; 11 – Ново-Ивановка; 14-16, 26, 27 – Лермонтовская скала, к. 10; 17 – “Восход”; 18 – Пятигорск, могила 7; 19 – Бирск, п. 130; 20 – коллекция А.Л.Бертье-Делагарда; 22 – Лермонтовская скала, к. 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Дюрсо, конские погребения (23, 24 – п. 10; 28, 34 – п. 9; 29 – п. 5); 25, 36, 38, 39 – Шипово, к. 2; 30 – Шипово, к. 3; 31 – Мокрая Балка; 32, 33 – Верхне-Погромное; 35 – Ровное, к. 42; 37 – Покровск, к.36, п.2.

Fig. 3. 1, 10 – Novogrigoryevka, grave VIII; 2 – Novogrigoryevka, grave IX; 3, 9 – Sagi; 4, 13 – Kuchugury; 5, 12 – Radensk; 6, 7, 22 – Kerch, vaults 24/6/1904; 8 – Chikarenko; 11 – Novo-Ivanovka; 14-16, 26, 27 – the Lermontov Rock, tumulus 10; 17 – “Voskhod”; 18 – Pyatigorsk, grave 7; 19 – Birsk, interment 130; 20 – A.L. Bertier-Délagarde’s collection; 22 – the Lermontov Rock, tumulus 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Durso, the horse interments (23, 24 – interment 10; 28, 34 – interment 9; 29 – interment 5); 25, 36, 38, 39 – Shypovo, tumulus 2; 30 – Shypovo, tumulus 3; 31 – Mokraya Balka; 32, 33 – Verkhne-Pogromnoye; 35 – Rovnoye, tumulus 42; 37 – Pokrovsk, tumulus 36, interment 2.

Abb. 3. 1, 10 – Nowogrigorjewka, Grab VIII; 2 – Nowogrigorjewka, Grab IX; 3, 9 – Sagi; 4, 13 – Kutschuguri; 5, 12 – Radensk; 6, 7, 22 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 8 – Tschikarenko; 11 – Nowo-Iwanowka; 14-16, 26, 27 – Lermontowfelsen, Hunengrab 10; 17 – “Woschod”; 18 – Pjatigorsk, Grab 7; 19 – Birsk, Grabstätte 130; 20 – Sammlung von A.L. Bertier-Délagarde; 22 – Lermontowfelsen, Hunengrab 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Dürsso, Pferdgrabstätte (23, 24 – Grabstätte 10; 28, 34 – Grabstätte 9; 29 – Grabstätte 5); 25, 36, 38, 39 – Schipowo, Hunengrab 2; 30 – Schipowo, Hunengrab 3; 31 – Mokraja Balka; 32, 33 – Werchne-Pogromnoje; 35 – Rownoje, Hunengrab 42; 37 – Pokrowsk, Hunengrab 36, Grabstätte 2.

Dessin 3. 1, 10 – Novogrigorievka, tombe VIII; 2 – Novogrigorievka, tombe IX; 3, 9 – Sagui; 4, 13 – Koutchougoury; 5, 12 – Radensk; 6, 7, 22 – Kertsch, caveaux de 24/6/1904; 8 – Tchikarenko; 11 – Novo-Ivanovka; 14-16, 26, 27 – rocher Lermontov, tumulus 10; 17 – «Voskhod»; 18 – Piatigorsk, tombe 7; 19 – Birsk, sépulture 130; 20 – collection de Bertier-Délagarde; 22 – rocher Lermontov, tumulus 11; 23, 24, 28, 29, 34 – Durso, sépultures de chevaux (23, 24 – sépulture 10; 28, 34 – sépulture 9; 29 – sépulture 5); 25, 36, 38, 39 – Chypovo, tumulus 2; 30 – Chypovo, tumulus 3; 31 – Mokraïa Balka; 32, 33 – Verkhné-Pogromnoé; 35 – Rovnoé, tumulus 42; 37 – Pokrovsk, tumulus 36, sépulture 2

к данной пряжке в комплексах V в. Причерноморья нет. А.К.Амброз только сопоставил рамку пряжки с пряжкой комплекса 2-й половины V в. Валя луй Михай (Амброз А.К., 1989, с. 44). Пряжка (рис.3, 17) имеет широкую рамку в виде вытянутого овала, плоскую снизу и округлую сверху (сечение в виде более узкой половины вытянутого овала). Язычок широкий, трехгранный в сечении. Плоская рамка и трехгранное сечение язычка не характерны для пряжек 2-й половины V в. У очень похожей пряжки из катакомбы 11 близ Лермонтовской скалы (рис.3, 22) рамка все ещё круглая в сечении. Ближайшими аналогиями к пряжке из «Восхода» являются пряжки из Пятигорска (могила 7) и Бирска (п.130) (рис.3, 18,19). Они имеют такую же плоскую вытянутую овальную рамку, полукруглую в сечении (но полу), трехгранный в сечении язычок и прямоугольный щиток, обтянутый золотым листом и инкрустированный стеклянными круглыми вставками. От пряжки из «Восхода» они отличаются только композицией инкрустации. Аналогии таким пряжкам широко известны в Прикамье. В.Ф.Генинг датировал их 1-й половиной VI в. (Генинг В.Ф., 1979, с. 100), А.К.Амброз - VII в. (Амброз А.К., 1980, с. 18-20). Обе даты не совсем точны, поскольку такие пряжки обнаружены как в комплексе с характерными В-образными пряжками 1-й половины VII в. (Бирск, п.165), так и в комплексе с пряжками, которые имели треугольный щиток с тремя круглыми выступами для штифтов (Бирск, п.156), характерными для этапа II Дюрсо (1-я треть VI в. по

А.В.Дмитриеву или 1-я половина VI в. по А.К.Амброзу). Очевидно, такие пряжки бытовали в Заволжье в течение VI – 1-й половины VII вв., причем у самых поздних экземпляров заметна выраженная В-образность рамок. Пряжка из «Восхода» не идентична бирским, но она значительно ближе к ним, чем к пряжкам с инкрустированным щитком V в., от которых ее отличает сечение рамки и язычок. На наш взгляд, пряжка из «Восхода» датируется концом V или рубежом V-VI вв. Этой дате не противоречат и остальные вещи комплекса. В частности, серебряные щитковые пряжки из комплекса (рис.1, 36, 37) отличаются от характерных пряжек V в. оформлением тыльного конца язычка. Сам язычок одной из пряжек тонкий, пластинчатый, прогнутый посредине и не выступает за край рамки, что абсолютно не характерно для подобных пряжек V в. Инкрустированная же накладка перекрестья меча, относящаяся к горизонту Апахиды, судя по тому, что потеряла практически все вставки, очевидно, использовалась в течение длительного периода. Следовательно, наиболее вероятная дата комплекса «Восход», на наш взгляд, рубеж V-VI в.

Дата курганов 2, 3 из ст. Шипово определяется фактически только по двум предметам: сегментовидной обкладке ленчиков седла с чешуйчатым орнаментом и орнаментальным «бордюром» по краю и пряжке с рифленой В-образной неподвижной рамкой и прямоугольным щитком. Ближайшая аналогия к седельной обкладке происходит из конского погребения 9 Дюрсо (Дмитриев А.В.,

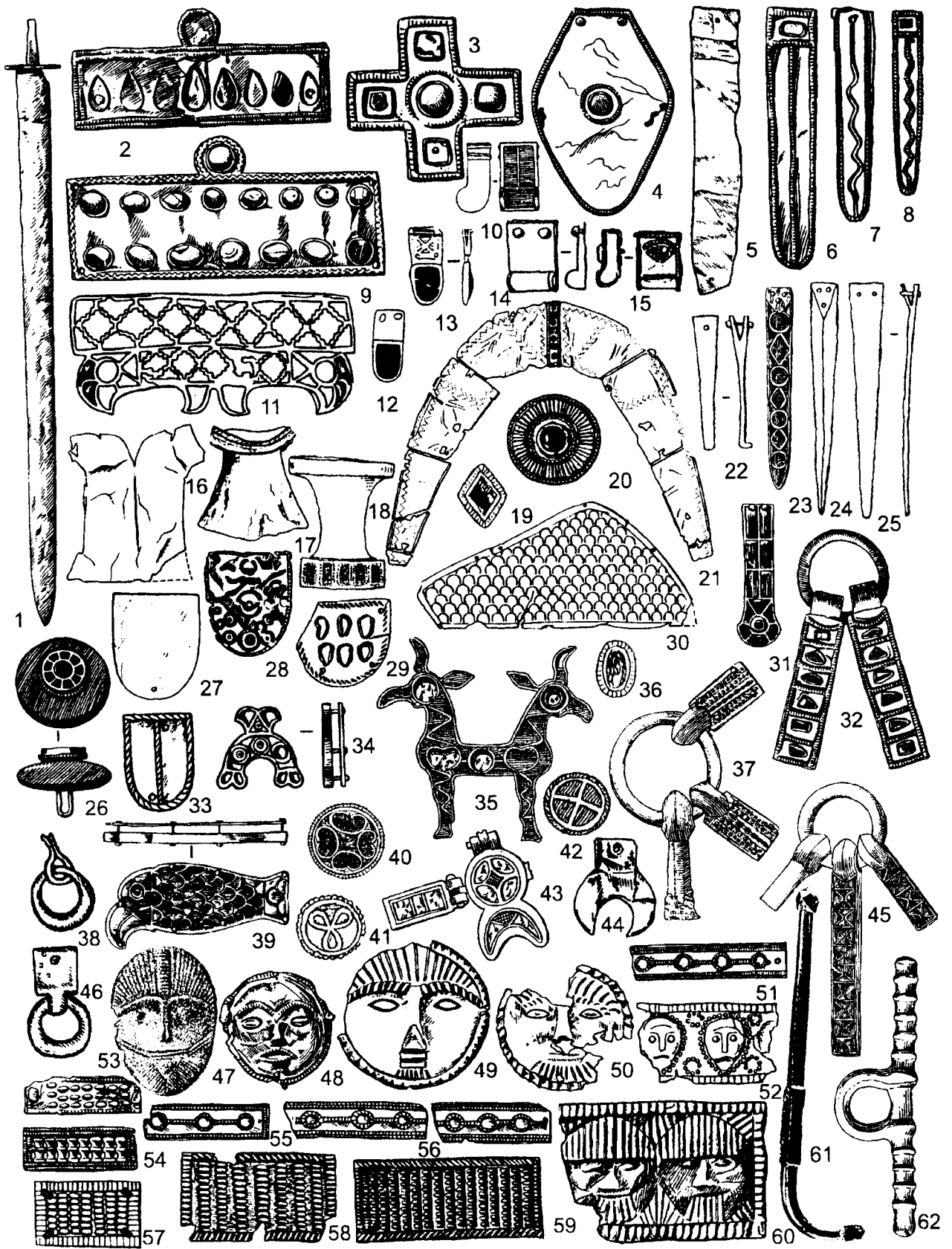

Рис. 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Новогригорьевка, могила IX; 2, 16 – Новогригорьевка, могила VIII; 5, 28 – Старая Игрень; 7, 38, 44 – Здвиженское; 8 – Раденск; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Керчь, склепы 24/6/1904; 11, 60 – “Восход”; 12, 13 – Чикаренко; 14, 17, 43, 45 – Керчь, склеп 145; 15 – Кубей, к. 8, п. 2; 17 – к-з “Калинина”; 20, 21, 27, 30 – Мелитополь; 22 – Керчь, склеп 165; 29 – Новая Маячка; 31, 34 – Концешты; 33 – Саги; 34, 46 – Кучугуры; 37 – Унтерзибенбрунн; 47 – Шентес-Надьхедь; 48, 53, 54 – Новогригорьевка, могила VII; 49, 58 – Владимирское; 50, 57 – Покровск, к.17; 51, 59 – Шипово, к. 3; 52 – Покровск, к. 18; 55, 56 – Нижняя Добринка; 61 – Ленгельтотти; 62 – Бжиза (масштаб разный).

Fig. 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Novogrigoryevka, grave IX; 2, 16 – Novogrigoryevka, grave VIII; 5, 28 – Staraya Igren; 7, 38, 44 – Zdvizhenskoie; 8 – Radensk; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Kerch, vaults 24/6/1904; 11, 60 – “Voskhod”; 12, 13 – Chikarenko; 14, 17, 43, 45 – Kerch, vault 145; 15 – Kubey, tumulus 8, interment 2; 17 – “Kalinin” collective farm; 20, 21, 27, 30 – Melitopol; 22 – Kerch, vault 165; 29 – Novaya Mayachka; 31, 34 – Conțești; 33 – Sagi; 34, 46 – Kuchugury; 37 – Unterzibenbrunn; 47 – Shentes-Nadyhed; 48, 53, 54 – Novogrigorievka, grave VII; 49, 58 – Vladymirskoye; 50, 57 – Pokrovsk, tumulus 17; 51, 59 – Shypovo, tumulus 3; 52 – Pokrovsk, tumulus 18; 55, 56 – Nizhniaya Dobrinka; 61 – Lengeltotti; 62 – Bzhyza (the scale is different).

Abb. 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Nowogrigorjewka, Grab IX; 2, 16 – Nowogrigorjewka, Grab VIII; 5, 28 – Staraja Igren; 7, 38, 44 – Sdwichenskoje; 8 – Radensk; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 11, 60 – “Woschod”; 12, 13 – Tschikarenko; 14, 17, 43, 45 – Kertsch, Grabgewölbe 145; 15 – Kubei, Hunengrab 8, Grabstätte 2; 17 – Kollektivwirtschaft “Kalinin”; 20, 21, 27, 30 – Melitopol; 22 – Kertsch, Grabgewölbe 165; 29 – Nowaja Majatschka; 31, 34 – Conțești; 33 – Sagi; 34, 46 – Kutschuguri; 37 – Untersiebenbrunn; 47 – Schentes-Nadyhed; 48, 53, 54 – Nowogrigorjewka, Grab VII; 49, 58 – Wladimirskoje; 50, 57 – Pokrowsk, Hunengrab 17; 51, 59 – Schipowo, Hunengrab 3; 52 – Pokrowsk, Hunengrab 18; 55, 56 – Niznaja Dobrinka; 61 – Lengeltotti; 62 – Bzisa (Maßstab ist verschieden).

Dessin 4. 1, 3, 4, 6, 9, 26, 32 – Novogrigorievka, tombe IX; 2, 16 – Novogrigorievka, tombe VIII; 5, 28 – Staraïa (Ancienne) Igren; 7, 38, 44 – Zdvijenskoé; 8 – Radensk; 10, 19, 23-25, 35, 36, 40-42 – Kertch, caveaux de 24/6/1904; 11, 60 – «Voskhod»; 12, 13 – Tchikarenko; 14, 17, 43, 45 – Kertch, caveau 145; 15 – Koubeï, tumulus 8, sép. 2; 17 – kolkhoze “Kalinin”; 20, 21, 27, 30 – Mélitopol; 22 – Kertch, caveau 165; 29 – Novaïa Maïatchka; 31, 34 – Conțești; 33 – Sagui; 34, 46 – Koutchougoury; 37 – Untersiebenbrunn; 47 – Chentes-Nadyhed; 48, 53, 54 – Novogrigorievka, tombe VII; 49, 58 – Vladimirscoe; 50, 57 – Pokrovsk, tumulus 17; 51, 59 – Chypovo, tumulus 3; 52 – Pokrovsk, tumulus 18; 55, 56 – Nijniaïa Dobrinka; 61 – Langueltotti; 62 – Bjyza (échelle différente)

1979, рис.4, 2). В этом же погребении обнаружено четыре серебряных пряжки с треугольными щитками, которые имели округлые выступы для штифтов (рис.3, 28). Похожая пряжка была и в конском погребении (п.5) (рис.3, 29), где обнаружены узкие вытянутые обкладки седла с чешуйчатым орнаментом (Дмитриев А.В., 1979, рис.4, 3), которые по пропорциям могут считаться ближайшими аналогиями обкладкам из кургана 4 около с.Владимирское (Засецкая И.П., 1994, табл. 35, 13). Аналогичные пряжки входят в комплексы погребений 197, 410, 516 и др., которые относятся к этапу II Дюрсо, датированного А.В.Дмитриевым первой третью VI в. (Дмитриев А.В., 1982, с.103, 104; рис.5, 12; рис.8, 3), а А.К.Амброзом немного шире – 1-я половина VI в. (Амброз А.К., 1989, с.50, 51). И.П.Засецкая проигнорировала эти даты и сослалась только на пряжки из катакомбы 10 около Лермонтовской скалы, отнесенные В.Б.Ковалевской к V в. (Засецкая И.П., 1994, с. 48; Ковалевская В.Б., 1981, с. 83, рис.60, 12), таким образом, мимоходом, передатировав весь этап II Дюрсо, что вряд ли можно воспринимать серьезно. Дату катакомбы 10 мы рассмотрим немного ниже. Пряжки из шиповских курганов уже были предметом специального исследова-

ния. И.А.Бажан и С.Ю.Каргапольцев отнесли их к типу Нордфридхоф-Бердугинск и датировали 2-й половиной V в. (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.31, 32). Но дату шиповских пряжек исследователи определили по обкладке седла из кургана 3. Дата последней, в свою очередь, основывается на неверном датировании похожих находок из Дюрсо И.П.Засецкой (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.32). Это заставляет нас остановиться на датах аналогий из Дюрсо. На территории Юго-Восточной Европы, кроме шиповских, известны три пряжки типа Нордфридхоф-Бердугинск. Все они происходят из Северного Кавказа. Пряжка из бердугинской катакомбы имеет характерный прямоугольный щиток, инкрустированный маленькими круглыми стеклянными вставками, ближайшими аналогиями к которому являются уже упоминавшиеся выше пряжки с инкрустацией типа бирских. Поэтому стоит согласиться с датой И.А.Бажана и С.Ю.Каргапольцева для данной пряжки - не раньше начала VI в. (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.32). Пряжка из Мокрой Балки (рис.3, 31) (тип 25 по Г.Е.Афанасьеву) отличается от предыдущей только несколько иной техникой инкрустации. Г.Е.Афанасьев датировал пряжку широко – 2-я половина V – 2-я половина

VI вв. (Афанасьев Г.Е., 1980, с. 145, 150). Третья пряжка этого типа происходит из катакомбы 10 могильника 2 около Лермонтовской скалы. Дата этого комплекса давно вызывает дискуссию. А.П.Рунич датировал катакомбу V в. (Рунич А.П., 1976, с.265, 266), но А.К.Амброз высказал предположение, что в катакомбе есть погребения двух хронологических периодов - V и VII вв. (Амброз А.К., 1980, с.20, 21; 1989, с. 36-38). С гипотезой А.К.Амброза нельзя согласиться. Сложно предположить, что в V в. в катакомбе было похоронено только два покойника, а в VII в. катакомба была распечатана, и "на свободное место" осторожно положили мужчину, не нарушив при этом двух предыдущих погребений. Тесное прилегание всех трех скелетов между собой и к стенкам свидетельствует, что погребения были осуществлены до окончательного распада предыдущего скелета, т.е. в диапазоне максимум 15-20 лет. Против большой разницы во времени между погребениями свидетельствует и инвентарь катакомбы. К наиболее ранним принадлежат две серебряных пряжки, одна IB1 (рис.1, 30), другая с круглым щитком (Рунич А.П., 1976, рис.3, 13); на Северном Кавказе они бытуют в Дюрсо всю 2-ю половину V в. Инкрустированные пряжки с неподвижной рамкой (рис.3, 14-16) по всем признакам (инкрустация язычка и рамки, овальный щиток), бесспорно имитируют пряжки третьей четверти V в., но их отличие очевидное. Перекрестье меча (Рунич А.П., 1976, рис.3, 20, 21) почти идентично по форме перекрестью меча из склепов 24/6/1904 (Спицын А., 1905, рис.18), но отличается от него характером инкрустации. Также к имитациям изделий 3-й четверти V в. принадлежат крестовидная накладка узды и пластинчатые зажимы псаев (Рунич А.П., 1976, рис.4, 6, 7). Исходя из этого набора вещей, И.А.Бажан и С.Ю.Каргапольцев синхронизировали катакомбу 10 с горизонтом Унтерзибенбрунн (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, с.32, 35), что, конечно же, неверно. Весь набор вещей катакомбы является специфической кавказской имитацией этнографического вида гунна периода 455-480 гг., причем, судя по пряжкам, второй волны 467 г. Обкладки седла с чешуйчатым орнаментом из катакомбы 10 - тип 3 по И.П.Засецкой – ближайшие аналогии находят в обкладках седла конского п.10 из Дюрсо, в этом же погребении найдены подобные лермонтовским удила (Рунич А.П., 1976, рис.4, 3; Дмитриев А.В., 1979, рис.3, 22). По пряжкам с ромбовидными щитками (рис.3, 23, 24) данное погребение синхронизируется с погребением 300, где был обнаружен высокий стеклянный стакан с напаянными синими каплями, похожий на стаканы из катакомб 10 и 11 Лермонтовской скалы. Такие стаканы характерны для комплексов этапа I Дюрсо (погребения 291, 292, 300, 483, 500, 517) (Дмитриев А.В., 1982, с.104). В Фанагории они встречаются в слое с краснолаковыми клеймами конца V-VI вв. (Сазанов А.В., 1989, с.5-56). Дата этапа I по А.В.Дмитриеву и А.К.Амброзу – 2-я половина V в., причем, по мнению исследователей, наиболее вероятно, что могильник Дюрсо начал функционировать только в последней трети V в. (Дмитриев А.В., 1982, с.103,

104; Амброз А.К., 1989, с.46-50). Среди других вещей катакомбы 10 следует отметить накладки в виде лунницы с ушком и накладки, похожие на ременные наконечники ПА3 (Рунич А.П., 1976, рис.3, 2, 4, 6). В катакомбе 11 обнаружены обычные "гуннские" лунница и наконечник ПА3. Изделия же из катакомбы 10 отличаются от них, в первую очередь, тем, что они прибивались к какой-то поверхности тремя гвоздиками. Чрезвычайно похожие "лунница" и "наконечник" находились в погребении 130 из Бирска (Амброз А.К., 1980, рис.4, 8, 10) вместе с характерной пряжкой с инкрустированным щитком (рис.3, 18), дата которой, как указывалось, не раньше начала VI в. Три серебряные пряжки, обтянутые золотой фольгой, с треугольным щитком, который имел три полукруглых выступа для штифтов (рис.3, 27), по форме рамок, щитка и язычка с перекладиной на тыльном конце близки четырем серебряным пряжкам из конского погребения 9 Дюрсо (рис.3, 28), в котором обнаружена похожая на лермонтовскую бесщитковая пряжка с прямоугольной рамкой (рис.3, 34). Как указывалось выше, конское п. 9 синхронизируется с этапом II Дюрсо, т.е. датируется 1-й половиной VI в. Таким образом, в катакомбе 10 могильника 2 около Лермонтовской скалы есть материалы как последней трети V в., так и материалы начала VI в. Пряжка типа Нордфридхоф-Бердунинск из катакомбы близка инкрустацией к комплексу инкрустированных бляшек-накладок, принадлежащих к самому позднему погребению катакомбы, поэтому её наиболее вероятная дата - начало VI в. Самое позднее погребение катакомбы 10 по пряжкам с треугольным щитком, который имел полукруглые выступы для штифтов, частично синхронизируется с конским погребением 9 Дюрсо. С этим же погребением по обкладкам луки седла синхронизируется и курган 3 из Шипово. Таким образом, пряжки из Шипово оказываются близкими к пряжке из катакомбы 10 и датируются примерно одним временем. Конечно, шиповские пряжки не идентичны лермонтовской, поэтому нет оснований сузить дату Шипово до начала VI в. Наоборот, браслет со сплюснутыми зооморфными концами из шиповского кургана 3, близкий браслетам, распространенным в лесостепной части Восточной Европы во 2-й половине VI - VII вв., скорее указывает на конец 1-й половины VI в. Очевидно, всю группу степных комплексов Заволжья, которая включает курганы 2, 3 из Шипово, курганы 17 и 18 около Покровска, курган 4 из Владимирского, следует синхронизировать с этапом Дюрсо II и датировать первой половиной VI в. Наиболее раннее же погребение данной группы - погребение из колхоза "Восход", как было показано выше, следует датировать рубежом V-VI вв.

Как соотносится с заволжской группой могила VII из Новоигорьевки? Украшения узды в виде "личин", которые сближают могилу VII с заволжскими, являются, собственно, не столько хронологическим, сколько этнографическим показателем, поскольку появляются у гуннов ещё в Паннонии – комплекс из Шентес-Надьхедь (рис.4, 47) (Fettich N., 1953, p. 180-182). Деталь, на которую стоит обратить внимание, это - оформление бляшек

из могилы VII (рис.4, 48, 53, 54). Все они окружены узеньким рубчатым ободком, на некоторых прямоугольных пластинах – двойным. Таким ободком оформлены большинство сбруйных бляшек комплексов гуннского времени Северного Причерноморья и Паннонии. Но в Поволжье такие ободки имеют только бляшки комплекса из Нижней Добринки, удлинённая бляшка из “Восхода”, обломок поясного наконечника и аналогичная нижнедобринской прямоугольная удлинённая бляшка из кургана 3 Шипово (рис.4, 51, 55, 56). Другие бляшки из указанных и остальных комплексов (в т.ч. все “личины”) оформлены широким рубчатым бордюром, который не имеет аналогий в комплексах гуннского времени Причерноморья.

Интересно также сравнить прямоугольные бляшки с зерновидным орнаментом. Если в новогригорьевской могиле VII бляшки имели по три горизонтальных ряда “зёрен” (рис.4, 53, 54), то в кургане 17 из Покровска их уже по семь (рис.4, 57), в кургане 3 из Шипово - по 10 (рис.4, 59), в комплексе из Владимирского - по 13 (рис.4, 58). Напрашивается вывод, что эти изменения отражают эволюцию украшений данного типа. В стилистическом ряде сбруйных бляшек комплексы из новогригорьевской могилы VII и из Нижней Добринки занимают промежуточное место между группой причерноморских погребений третьей четверти V в. и группой заволжских погребений 1-й половины VI в. Звеном, которое связывает обе группы, И.П.Засецкая считает погребение из “Восхода”. Предложенная нами для данного комплекса дата - рубеж V-VI вв. действительно не противоречит этому.

Комплекс из Нижней Добринки с правобережья Среднего Поволжья является ещё одним ключевым комплексом. Как и новогригорьевские могилы, комплекс, скорее всего, представлял собой погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Об этом свидетельствует сильная обожженность всех вещей (Засецкая И.П., 1994, с.183). В комплекс входят обломки бляшки III D2; бронзовый псалий с бронзовым граненым наконечником грызл и одним пластинчатым зажимом, на котором сохранились гнезда от вставок; обломки длинной узкой пластинки, инкрустированной вставками в напаяных гнездах (Засецкая И.П., 1994, табл.30, 11); ременной наконечник III A3. Все эти вещи имеют аналогии в комплексах могил VIII, IX из Новогригорьевки и других комплексах Причерноморья группы С4. Кроме них, в комплексе из Нижней Добринки также были узкие длинные бляшки, декорированные тисненным орнаментом, в технике, близкой бляшкам из новогригорьевской могилы VII и бляшкам заволжской группы погребений (рис.4, 55,56). Привлекает внимание одна из таких бляшек с двойным узким рубчатым бордюром (рис.4, 56), которые имели и бляшки из новогригорьевской могилы VII. Внутреннее пространство бляшки заполняет рубчатый орнамент в виде кружков, объединенных между собой линией. Идентичные бляшки обнаружены в кургане 3 из Шипово (рис.4, 51). Таким образом, комплекс из Нижней Добринки сочетает в себе элементы, характерные как для

причерноморских комплексов группы С4, так и заволжских 1-й половины VI в., что позволяет рассматривать его, как переходное звено между ними.

Не может не обратить на себя внимание погребальный обряд новогригорьевских могил - трупосожжение. Следы пребывания в огне имеют все вещи из Нижней Добринки, с разновидностью обряда трупосожжения, очевидно, связаны и курганы 17, 18 из Покровска, явные следы пребывания в огне носят и вещи из Владимирского, хотя там они и связаны с ингумацией. Ещё с середины XIX в. из книги в книгу перекочевывает тезис о том, что после поражения при Недао гунны отошли в степи Северного Причерноморья, откуда, после короткой задержки, откочевали в Поволжье, но никаких доказательств пока не приводилось. На наш взгляд, цепочка Сегед-Надьсекшош – Новогригорьевка – Нижняя Добринка – Покровск блестяще подтверждает эту гипотезу. Могила VII из Новогригорьевки, таким образом, является самым поздним гуннским комплексом в Северном Причерноморье и должна датироваться временем до 480 г., т.е. относиться к группе С4. Вместо этого к группе С5 нужно отнести курган 42 у с.Ровное, п.2 кургана 36 и курган 2 у Покровска. Последний отнесен только по погребальному обряду. В п.2 кургана 36 язычок пряжки (рис.3, 37) идентичен находке в кургане 2 из Шипово, а также имеется наконечник III A3. Курган из Ровного отнесен к группе С5 по погребальному обряду и бляшкам, но дате не противоречат и пряжки. В погребении из Верхне-Погромного была составная диадема в виде полоски, но она явно отличается от диadem группы С2. Пряжки (рис.3, 32, 33) точных аналогий не имеют, но по форме рамок и щитку, составленному из двух пластин, им очень близки пряжки из Скалистога и Керчи (Айбабин А.И., 1990, рис.38, 14, 16) и уже упоминавшиеся пряжки из конских могил 5 и 9 (рис.3, 28, 29) и погребения 410 этапа Дюрсо II, что позволяет синхронизировать Верхне-Погромное с группой С5.

Несколько слов о ещё одной группе комплексов. Известный рассказ Приска об ошибке византийских дипломатов при раздаче даров акацирским вождям, ставшая причиной потери акацирами независимости от гуннов (Латышев В.В., 1948, с.252-253), подсказал возможность поиска и соотнесения с акацирами комплексов периода 447-463 гг. с константинопольскими изделиями. Удивительно, но такая группа действительно существует и давно выделена Л.А.Мацулевичем. Речь идет о хорошо известных комплексах из Большого Каменца, Сулина, находке 1849 г. в Обоянском уезде Курской губернии. Сюда же исследователь отнёс и Рублёвский клад (Мацулевич Л.А., 1934, с.80-85). Особенно показательно сходство клейм на тазике с горохатым ободком из Сулина и кувшине с изображением муз из Большого Каменца. Вещи из комплексов (зигзагообразные золотые бляшки, гривна с перегородчато инкрустированным медальоном, пряжка с инкрустированным щитком, обкладка седла с чешуйчатым орнаментом) не противоречат дате - 447-463 гг. Расположение

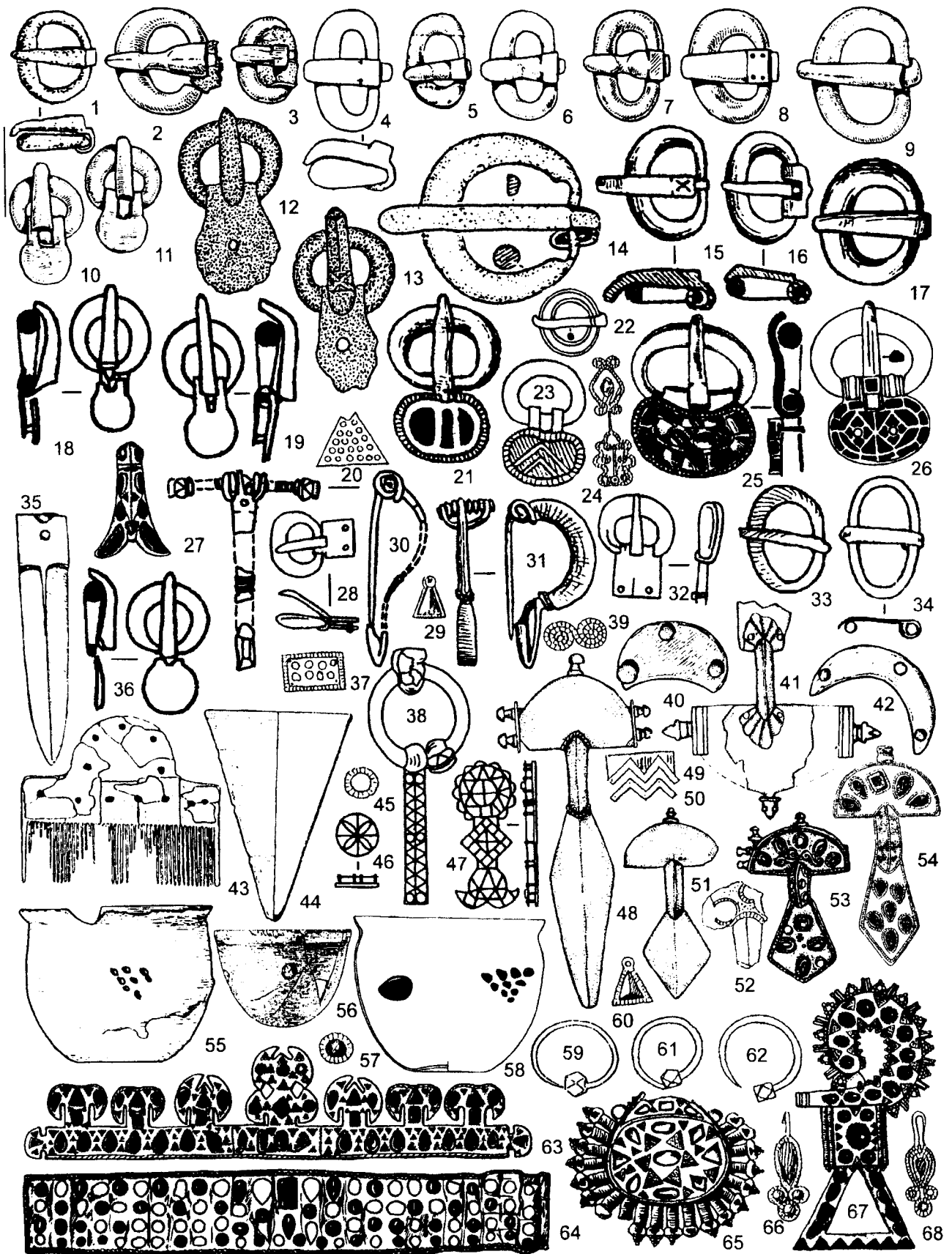

Рис. 5. 1, 43, 44 – Дмухайловка; 2 – Кантемировка, к. 2; 3-6, 35, 40 – Кантемировка, к.1; 7-11, 42 – Кантемировка, к.3; 12, 13 – Ново-Подкряж; 14 – Соколово; 15, 31 – Кубей, к. 8, п. 1; 16, 17, 21 – Кубей, к. 20, п. 1; 18, 19, 30, 36 – Яременки; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Керчь, склепы 24/6/1904; 22, 26 – Центральный; 23 – Брут; 25 – Муслимово; 28, 32, 38, 46, 47 – Казаклия; 29 – Франция; 33, 35, 65, 67 – Марфовка; 34, 59 – Сад; 41, 62 – Керчь, склеп 165; 48, 52, 66 – Керчь, склеп 154; 51 – Керчь, склеп 145; 53 – Керчь, “Новиковский” склеп; 56 – Унтерзибенбрунн; 58 – Беляус 2; 61 – Смолин; 63 – Мелитополь; 64 – Антоновка (1-19, 21-26, 28, 32-36 – масштаб 1:1, 25; остальные – масштаб разный).

Fig. 5. 1, 43, 44 – Dmukhailovka; 2 – Kantemirovka, tumulus 2; 3-6, 35, 40 – Kantemirovka, tumulus 1; 7-11, 42 – Kantemirovka, tumulus 3; 12, 13 – Novo-Podkriazh; 14 – Sokolovo; 15, 31 – Kubey, tumulus 8, interment 1; 16, 17, 21 – Kubey, tumulus 20, interment 1; 18, 19, 30, 36, – Yaremenky; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Kerch, vaults 24/6/1904; 22, 26 – Tsentralny; 23 – Brut; 25 – Musliumovo; 28, 32, 38, 46, 47 – Kazakliya; 29 – France; 33, 35, 65, 67 – Marphovka; 34, 59 – Sad; 41, 62 – Kerch, vault 165; 48, 52, 66 – Kerch, vault 154; 51 – Kerch, vault 145; 53 – Kerch, vault “Novikovsky”; 56 – Unterzibenbrunn; 58 – Beliaus 2; 61 – Smolin; 63 – Melitopol; 64 – Antonovka (1-19, 21-26, 28, 32-36 – the scale is 1:1, 25; the scale is different for the rest).

Abb. 5. 1, 43, 44 – Dmuchailovka; 2 – Kantemirovka, Hunengrab 2; 3-6, 35, 40 – Kantemirovka, Hunengrab 1; 7-11, 42 – Kantemirovka, Hunengrab 3; 12, 13 – Nowo-Podkriaz; 14 – Sokolowo; 15, 31 – Kubei, Hunengrab 8, Grabstätte 1; 16, 17, 21 – Kubei, Hunengrab 20, Grabstätte 1; 18, 19, 30, 36 – Jaremenki; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Kertsch, Grabgewölben 24/6/1904; 22, 26 – Zentralnij; 23 – Brut, 25 – Musljumowo; 28, 32, 38, 46, 47 – Kasaklija; 29 – Frankreich; 33, 35, 65, 67 – Marfovka; 34, 59 – Sad; 41, 62 – Kertsch, Grabgewölbe 165; 48, 52, 66 – Kertsch, Grabgewölbe 154; 51 – Kertsch, Grabgewölbe 145; 53 – Kertsch, Grabgewölbe “Nowikowskij”; 56 – Untersiebenbrunn; 58 – Belaus 2; 61 – Smolin; 63 – Melitopol; 64 – Antonowka (1-19, 21-26, 28, 32-36 – Maßstab 1:1, 25; Rest – verschiedener Maßstab).

Dessin 5. 1, 43, 44 – Dmoukhailovka; 2 – Kantemirovka, tumulus 2; 3-6, 35, 40 – Kantemirovka, tumulus 1; 7-11, 42 – Kantemirovka, tumulus 3; 12, 13 – Novo-Podkriaje; 14 – Sokolovo; 15, 31 – Koubeï, tumulus 8, sép.1; 16, 17, 21 – Koubeï, tumulus 20, sép.1; 18, 19, 30, 36 – Jaremenki; 20, 24, 27, 37, 39, 45, 49, 50, 54, 57, 60, 68 – Kertch, caveaux de 24/6/1904; 22, 26 – Tsentralnyï; 23 – Brout; 25 – Mouslumovo; 28, 32, 38, 46, 47 – Kazaklie; 29 – France; 33, 35, 65, 67 – Marphovka; 34, 59 – Sad; 41, 62 – Kertch, caveau 165; 48, 52, 66 – Kertch, caveau 154; 51 – Kertch, caveau 145; 53 – Kertch, caveau “Novikovski”; 56 – Untersiebenbrunn; 58 – Béliaios 2; 61 – Smolin; 63 – Mélitopol; 64 – Antonovka (1-19, 21-26, 28, 32-36 – échelle 1:1, 25; les autres – échelle différente)

погребения из Большого Каменца в лесостепи, в соседстве с финно-угорскими племенами, позволяет понять, о каких “эстах”, как соседях акациров, говорил Иордан (Иордан, 1997, с.36).

В заключение кратко остановимся на датах второй части комплексов группы А. Погребение 1 кургана 8 могильника Кубей (Одесская обл.) – основное (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990) (в этом же кургане обнаружено впускное погребение № 2, проанализированное нами выше). Датирующие вещи в погребении - подвязная бронзовая фибула с дуговидной спинкой (рис.5, 31) и бронзовая бесщитковая пряжка (рис.5, 15). Точной аналогии фибуле нам пока найти не удалось, но похожую дуговидную спинку имеют фибулы конца IV – 1-й половины V вв. Пряжка - полукруглой формы, задний конец её прямой и значительно тоньше, чем передний. Ближайшей аналогией является рамка пряжки из Хёкрихта и другая пряжка из того же комплекса (Werner J., 1956, taf.27, 7, 8). Также похожа рамка пряжки с ромбовидным щитком из Беляуса 1 (рис.1, 42). Язычок не совсем типичный для пряжек группы СК1 - узкий, далеко выступает за гра-

ницы рамок, но плоский и на заднем конце, как и у пряжки из Ново-Подкряжа, украшен выбитым косым крестом. По данным стратиграфии погребение должно быть более ранним по отношению к впускному п. 2 этого же кургана, дату которого мы определили, как 440-454 гг., т.е. дату погребения № 1 кургана 8 могильника Кубей можно ограничить 425-440 гг.

Погребение 1 у с.Соколово (Днепропетровская обл.) - курганной группы I, кургана № 1, ограбленное, из датирующих вещей осталась только круглая бронзовая бесщитковая пряжка (рис.5, 14) с длинным узким язычком, далеко выступающим за границы рамки и полукруглым в сечении (Костенко В.И., 1980, с.84). Аналогии рамке пряжки датируются широко – 430-454 гг., уже дату определить тяжело, но слегка уплощенный язычок, который несколько напоминает язычок пряжки из п.1 к.8 Кубей, на наш взгляд, все же указывает на дату 425-440 гг.

Дату разрушенного погребения у хут. Яременки (Полтавской обл.) определяют три серебряные пряжки с круглыми рамками, маленькими круглыми щитками

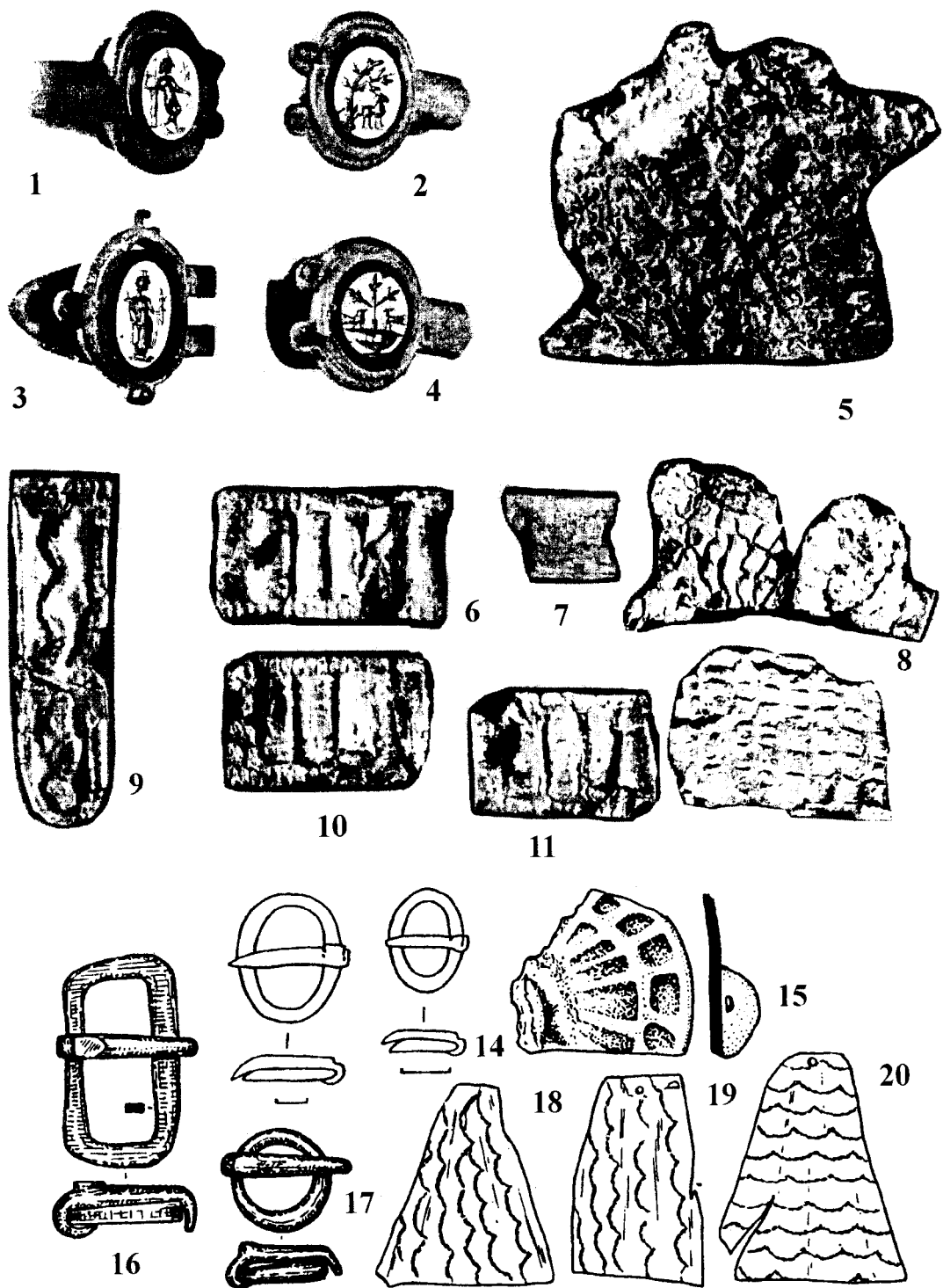

Рис. 6. 1-12 – Макартет; 13, 14 – Каменная могила; 15-20 – Изобильное.

Fig. 6. 1-12 – Makartet; 13, 14 – Stone Grave; 15-20 – Izobilnoye.

Abb. 6. 1-12 – Makartet; 13, 14 – Kamennaja Mogila (Steingrab); 15-20 – Isobilnoje.

Dessin 6. 1-12 – Makartet; 13, 14 – Kamennaïa Moguila; 15-20 – Izobilnoé

и хоботовидными язычками, далеко выступающими за границы рамок; обломки двучленной подвязной фибулы, кинжал с прямым перекрестьем (Левченко Д.И., Супруненко А.Б., 1994, рис.29). Подвязные фибулы V в. с территории Украины достаточно редки - близкая аналогия данной фибуле (рис.5, 30) происходит только из подъемного материала Косановского могильника, поэтому датированных аналогий не имеет. Дату комплекса позволяют сузить пряжки (рис.5, 18, 19, 36). Практически точными аналогиями яременским являются две пряжки из могилы 4 на р. Гиляч (Амброз А.К., 1989, рис.9, 24, 25). Дата последнего комплекса определяется по редкой поясной пряжке, почти идентичной пряжке из Здвиженского (Амброз А.К., 1989, рис.9, 22). Поэтому Яременки, на наш взгляд, датируются в рамках 440-454 гг.

В п.2 кургана 14 у с. Казаклия (Молдова) из инвентаря остались две серебряные пряжки, две серебряные детали ременной гарнитуры в виде кольца с обоймой, уздечный набор в составе двух серебряных псалиев с одним зажимом, две фигурные и две круглые накладки на узду. Зажимы псалиев и накладка декорированы в стиле перегородчатой инкрустации гранатами (Гросу В.И., 1990, с.92, 93, рис.28). Судя по рисунку, на обоих псалиях остались петли от второго зажима, который случайно или с какой-то целью был отломан (рис.5, 38). Ближайшей аналогией уздечному набору является набор керченского склепа 145 (рис.4, 45). Пряжки (рис.5, 28, 32) и ременные накладки из погребения по виду легко принять за вещи IV в., но эта деталь уже не должна смущать, поскольку, как показывают комплексы группы К2, это характерная черта периода 455-475 гг.

Дата погребения кургана 14 группы IV около пос. Центральный (Ростовская обл.) (Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989) определяется по пряжке с широкой овальной рамкой, с инкрустированным щитком "почковидной" формы и инкрустированным коротким язычком (рис.5, 26) - 455-475 гг.

Погребение 1 кургана 20 могильника Кубей. По погребальному обряду оно почти идентично погребению кургана 3 из Кантемировки. Кроме посуды, среди инвентаря были: пара железных удил, две серебряные трапециевидные подвески, прямоугольный поясной наконечник, украшенный с обеих сторон вставками и филигранью, три пряжки (Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990, рис.22). Наконечник отдаленно напоминает наконечники ПВ и их более ранние разновидности из п.2 к.8 Кубей. Бронзовая бесщитковая пряжка (рис.5, 17) с широкой овальной рамкой и узким язычком, прилегающим к рамке, похожа на серебряную пряжку из кантемировского кургана 3, рамка которой немного уже; похожи и удила из двух погребений. Но дату всё же определяет пряжка с инкрустированным щитком (рис.5, 21). Рамка овальной формы, щиток "почковидной" формы по контуру окружен рубчатым ободком; язычок узкий, острый на переднем конце, слегка выдается за рамку, не облекая ее, слегка прогнутый посередине. Ближайшие аналогии: пряжка из катакомбы могильника Брут, исследованной С.С.Куссаевой, и

пряжка из Муслимово (рис.5, 23, 25). Дата последней по инкрустированным наконечникам ПА2 и ПВ, обкладке кинжала VID - 445-475 гг., но пряжка по технологическим признакам сложнее кубейской. Практически идентична кубейской пряжка из Брута. Дата катакомбы определяется только по треугольной и круглой бляшкам (анalogии: Синявка, Унтерзибенбрунн, склепы 24/6/1904) и наконечнику ПА3, т.е. период 440-475 гг. Таким образом, хотя узкой даты у нас нет, наиболее вероятной будет синхронизация кубейского погребения с Казаклией.

Итак, по итогам нашего исследования, степные древности восточноевропейских степей гуннского времени можно разделить на три периода или семь этапов (некоторые комплексы отнесены приблизительно, индивидуальную дату см. выше):

раннегуннский период

этап I - 375 - 400 гг. - курганы 1 и 2 из Кантемировки, Дмухайловка, Кривенская;

этап II - 400 - 425 гг. - курган 3 из Кантемировки, Ново-Подкраж, Балки, Сад, возможно, Каменная могила;

среднегуннский период

этап III - 425 - 440 гг. - п.1 кургана 8 из Кубея, Соколово, Ленинск, Антоновка, погребения 1 и 2 из Беляуса, Марфовка, Алешки, Изобильное;

этап IV - 440 - 454 гг. - п.2 кургана 8 из Кубея, Капуловка, Яременки, Здвиженское, Верхне-Яблочное, Мелитополь, Новая Маячка, Старая Игрень, Корущана, Березовка (?);

этап Va - 454 - 480 гг. - могилы VII, VIII, IX из Новогригорьевки, Калинин, Саги, Кучугуры, Феодосия, Казаклия, п.1 кургана 20 из Кубея;

этап Vb - 467 - 480 гг. - Ново-Ивановка, Раденск, Чикаренко, Дмитриевка;

позднегуннский период

этап VI - 480 - 500 гг. - Нижняя Добринка, "Восход";

этап VII - 500 - 550 гг. - курганы 2, 3 из Шипово, Владимирское, Верхне-Погромное, курган 42 у Ровного, курганы 2, 17, 18, п.2 кургана 36 у Покровска.

Как видим, относительная хронология комплексов практически не изменила относительную хронологию И.П.Засецкой, но существенно изменила абсолютные даты. Представленная вниманию читателей концепция предлагает для некоторых погребений даты с точностью до 10-15 лет, что в начале работы над материалом вызывало серьезный скептицизм у самого автора. Но на хронологической шкале гуннских древностей анализируемый материал постепенно установился на своих местах. В этой связи не будем забывать, что погребение - событие одноактное, которое может быть датировано с точностью до дня. Если в своде В.Б. Ковалевской (Ковалевская В.Б., 1979) пряжки датировались с точностью в два, даже три, столетия, то уже А.И.Айбабин сузил дату большинства из них до половины столетия, а некоторых

комплексов – до четверти столетия (Айбабин А.И., 1982; 1987; 1990). Очень важно помнить, что предложенные нами датировки не очерчивают время бытования отдельных предметов из рассмотренных комплексов – они указывают лишь наиболее вероятное время совершения погребения, то есть эпизода “выпадения” всего комплекса в землю. Наша концепция, безусловно, не решает всех проблем хронологии гуннского времени, она лишь выносит на повестку дня новые вопросы, которые позволяют совершенно по-иному взглянуть на всю проблему в целом. Возможно, новые комплексы (или даже по каким-то причинам оставшиеся неизвестными автору уже открытые) позволят исследователям дать на них более точные ответы, в чём собственно автор и видит основную задачу данной статьи.

P.S.

За время, пока статья готовилась к печати, появление новых материалов, беседы с коллегами и просто критическое осмысление концепции позволили автору заметить многочисленные упущения и недостатки, но, в то же время, найти и новые аргументы, подтверждающие отдельные положения статьи.

Несколько замечаний появилось к признакам, положенным в основу корреляции. Так, например, следовало разделить мечи с простым ромбовидным перекрестьем и мечи с инкрустированной многосоставной рукоятью. Первые возникают в первой половине V в. и продолжают бытовать во второй, в то время как мечи с инкрустированным перекрестьем и, как правило, многосоставной инкрустированной рукоятью представлены только в комплексах второй половины V в. (Атлусхайм, Флонхайм, склепы 24/6/1904 из Керчи, Дмитриевка и т.д.). Несколько иначе сейчас выглядел бы и состав комплексов, привлечённых к корреляции. Уже после отправки статьи мы, наконец, ознакомились с полной публикацией ранних склепов из Лучистого. Особенно интересным оказался склеп 88. Г-образные псалии с полиедрами на концах, мечи с ромбовидным перекрестьем, пряжка с В-образной рифленой рамкой, пряжка IB5, идентичная пряжкам из Беляуса I, поясной наконечник IIА4 и весь остальной инвентарь (Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1997, рис.16, 17, 20, 21) делают склеп наиболее ярким аланским крымским комплексом горизонта Ленгельтотти - Унтерзибенбрунн - Чорна - Качин - Беляус I, что подразумевает необходимость включения именно склепа 88 в корреляционную таблицу, как эталонного крымского комплекса горизонта.

Совершенно иного рода поправку следует внести относительно комплекса из Ново-Подкряжа. Е.Л.Гороховский, ознакомившийся с пряжками из погребения в фондах кафедры археологии Днепропетровского университета, сообщил нам, что их рисунок в публикации очень неточен. На самом деле пряжки выглядят иначе, и у исследователя сложилось впечатление, что они намного более поздние, возможно, VI в. Дату комплекса, таким образом, следует пока оставить открытой.

Поскольку абсолютное большинство анализируемых в статье комплексов знакомо нам только по публикациям, аналогичные нелепые ошибки не исключены, поэтому автор будет искренне благодарен всем исследователям за любые уточнения такого плана.

В сезоне 1998 г. было открыто новое аланское погребение гуннского времени на днепровской переправе у о.Хортица. Среди инвентаря следует отметить костяной гребень типа Томас IIIВ1а и характерную пряжку IB1 (Остапенко М.А., 1998, рис.1, 2, 3). Учитывая, что трапециевидность гребня лишь слегка выражена, его следует отнести к аланским комплексам последней четверти IV в. Его сочетание с пряжкой IB1, на наш взгляд, датирует погребение периодом 420-440 гг.

Наиболее важным дополнением стали материалы неопубликованного комплекса из урочища Макарет, известного исследователям только по предварительному сообщению (Пешанов В.Ф., Телегин Д.Я., 1968). Уже после отправки статьи Д.Я.Телегин любезно предоставил нам сохранившиеся у него документацию и негативы. После установления нынешнего местонахождения находок и их изучения, нами совместно с Д.Я.Телегиным будет подготовлена полная публикация комплекса, пока же вниманию исследователей предлагается часть материалов, важных для датировки. Три меча с ромбовидным перекрестьем аналогичны мечу из могилы IX Новогригорьевки (рис. 4, 1), Батасека, Якушвице и т.д. Обрывки серебряных обкладок седла трех видов: с чешуйчатым, ромбовидным и “вафельным” орнаментом. Форма обкладок с чешуйчатым орнаментом (рис.6, 5) не восстанавливается, но хорошо заметно отсутствие орнаментального бордюра, характерного для поздних обкладок этого типа. Необычно направление “чешуек”, направленных слева направо, а не снизу вверх, как обычно. Такое направление находим на обкладках IIIС2 из Мундольсхайма (Werner J., 1956, taf. 62, 4). Аналогичную ромбовидную орнаментацию обкладок (рис. 6, 8) находим только в Печ-Усёре (Alfoldi A., taf. IV, 14; taf. V, 5, 7, 8), аналогия же “вафельному” орнаменту (фигура орнамента не ромб, а квадрат) (рис. 6, 12) известна только в Сегед-Надьсекшюше (Fettich N., 1953, pl. XIV, 3). Ближайшие аналогии наконечнику IIА3 (рис. 6, 9) происходят из Хёкрихта (Werner J., 1956, taf. 27, 1-2). Четыре щитка от деталей ремней (рис. 6, 1, 2, 4), очевидно, функционально идентичными деталям IIС, инкрустированы плоскими вставками-геммами, что делает их уникальными. Также геммой инкрустирован щиток пряжки (рис. 6, 3). Щиток овальной формы, имеет три выступа для штифтов. В отчёте упоминаются “бронзовая пряжка” и “язычок от другой пряжки”, отсутствующие на фотографиях и рисунках, которые ещё предстоит найти в фондах. Возможно, из деталей соберётся пряжка целиком. Пока же о её дате можно судить только по щитку. Точные аналогии нам не известны, но по форме очень близки щитки двух керченских пряжек (рис. 2, 28, 39), а также щитки пряжек с резным декором из Блучины (Werner J., 1956, taf. 22, 13, 14). По предложенной нами схеме эволюции пряжек с инкрустацией круглые щитки с тремя высту-

пами для штифтов сменяются овальными щитками без выступов. Пряжка из Макартета находится на стадии перехода от круглых к овальным щиткам, поэтому ориентировочно датируется периодом 450-465 гг. - уверенно о её дате можно сказать только при наличии рамки и язычка. Выразительно паннонский облик инвентаря комплекса из Макартета позволяет уверенно отнести его к группе С4а. Эта дата очень важна, поскольку в составе комплекса находились прямоугольные бляшки с широким рубчатым бордюром и тисненым орнаментом в виде столбиков зёрен, вероятно, имитирующий верёвку (рис.6, 6, 10, 11). Ближайшие аналогии бляшкам из Макартета - бляшки из кургана 17 близ Покровска (рис.4, 57), немного иные были во Владимирском (рис.4, 58), кургане 3 из Шипово (рис.4, 59) и могиле VII из Новогригорьевки (рис.4, 53, 54), аналогичным бордюром окружена бляшка с "личинами" из "Восхода" (рис.4, 60). В статье мы высказали мнение, что бляшки - "личины" являются не хронологическим, а этнографическим признаком и почти интуитивно, основываясь только на стилистическом оформлении бляшек из могилы VII Новогригорьевки, синхронизировали последнюю с группой С4. Комплекс из Макартета надёжно доказывает эту гипотезу, позволяя наконец поставить точку в многолетней дискуссии. Нами также было высказано предположение, что количество горизонтальных рядов "зёрен" отображает эволюцию прямоугольных бляшек. От этого мнения следует отказаться с учётом бляшек из Макартета, но нельзя не заметить, что у наиболее поздних бляшек из Шипово и Владимирского (рис.4, 58, 59) горизонтальные линии бордюра имитируют перевитую верёвку, в то время как у наиболее ранних из Макартета (рис.6, 6, 10, 11) и "Восхода" (рис.4, 60) наклон отсутствует.

Дата Шиповских курганов, которая определяет конец гуннской эпохи для восточноевропейских степей, с появлением новых материалов также, кажется, постепенно покидает разряд дискуссионных. Открытие ювелирного комплекса на раннеславянском поселении Бернашовка вызвало множество устных мнений, но прямо связать датировку комплекса с шиповскими курганами в публикации, похоже, рискнул только И.О.Гавритухин, датировавший бернашовский комплекс по пальчатой фибуле второй половиной VI в. (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998, с.53). Комплекс из Бернашовки чрезвычайно сложен, и, на наш взгляд, сам нуждается не только в датировке, но и в приемлемой интерпретации. Первое, что следует отметить, набор вещей с литейных форм и вещевой набор погребения - это совершенно разные понятия. Как и сейчас, в древности различные этнорегиональные группы отличались уровнем развития ремесла. В более развитых обществах существовала высокая конкуренция между ремесленниками, которая поддерживала достаточно высокий темп внедрения инноваций и относительно высокие ритмы изменения материальной культуры. Общества, где конкуренция между ремесленниками была невысокой, или вообще не существовала, демонстрируют обратную картину. Ремесленник, который не имел неотложной потребности

осваивать новые технологии, новые типы вещей, продолжал пользоваться традиционными технологиями и формами. Если же инновация была им освоена, то она использовалась значительно дольше, чем изготавливались прототипы в регионе их возникновения. И даже после выхода из моды определённых вещей их литейные формы продолжали бережно хранить, поэтому совместная находка разновременных литейных форм не должна нас удивлять. Вещи круга Новогригорьевка-Макартет-Шипово из бернашовского комплекса представлены деталями узды: ромбовидной бляшкой, наконечником ПА3, бляшками с широким рубчатым ободком и орнаментом в виде тисненых зёрен, а также пряжкой с рифленой рамкой (Винокур I.C., Мегей В.П., 1992, рис.7, 4; рис.8, 5; рис.9, 7). Набор имитирует позднегуннскую узду, но все вещи уже достаточно сильно отличаются от гуннских, поэтому вряд ли синхронны пребыванию гуннов в Причерноморье. Ориентировочная дата изготовления литейных форм - начало VI в., поэтому их находка с формой пальчатой фибулы не удивительна. Более загадочно присутствие в землянке обломков черняховской посуды, наиболее поздние находки которой на славянских поселениях не выходят за рамки V в., но это уже проблема для славистов. Дату же шиповских курганов позволяют уточнить материалы прикамского могильника Коминтерновский II, опубликованные Е.П.Казаковым (Казаков Е.П., 1998). Погребение 46 вмещало уникальный по своей значимости для хронологии набор вещей (Казаков Е.П., 1998, рис.36): характерная бесщитковая пряжка с длинным язычком (рис.36, 2); грызла с ромбовидными петлями на концах (рис.36, 17) - аналогии в погребениях 26, 43 этого же могильника, а также Макартет; дериваты шиповских пряжек без рифления на рамках (рис.36, 5, 9, 20) - аналогичные в погребении 42; обкладки ленчиков седла с орнаментальным бордюром и орнаментацией в виде треугольников зерни (рис.36, 4), идентичные по форме обкладкам из Владимирского, аналогичный обломок был в погребении 42; раннегеральдический набор бляшек и наконечников (рис.36, 3, 6-8, 10-12, 19, 21-24) - аналогичный в погребении 42. В литературе довольно часто можно встретить определение шиповских комплексов как "раннегеральдических". А.В.Богачёв именно на этом основании датировал Шипово третьей четвертью VI в. (Богачёв А.В., 1996, с.187-189). Но единственными "раннегеральдическими" вещами признавались только пряжки с В-образной рамкой, зависимость которых от прототипов из катакомбы 10 Лермонтовской скалы и катакомбы 41 Мокрой Балки оспорить трудно. Погребения 42 и 46 могильника Коминтерновский II наконец вкладывают в понятие "раннегеральдический набор" реальный смысл. Пряжки и обкладки седла из них действительно очень близки шиповским, но это лишь *дериваты*. Эту деталь следует постоянно помнить при хронологических построениях. Фиксируя появление раннегеральдических наборов во время, непосредственно примыкающее к шиповским курганам, коминтерновские погребения одновременно доказывают их более раннюю дату, поскольку в шиповских погребениях геральдичес-

кие детали отсутствуют. Отличие коминтерновского набора от геральдических наборов второй половины VI в., а также пряжка с длинным хоботовидным язычком из погребения 46, не позволяют датировать погребения 42 и 46 вслед за Е.П.Казаковым второй половиной VI в. На наш взгляд, их дата не выходит за рамки второй трети VI в., что, в свою очередь, ограничивает первой третью VI в. дату Шипово, а, следовательно, и синхронных ему погребений группы С5. Это, в свою очередь, косвенно подтверждает датировку этапа II Дюрсо А.В.Дмитриева.

Синхронизация могилы VII из Новогригорьевки и комплекса из Макартета с группой С4 позволяет решить не только сугубо внутреннюю археологическую проблему хронологии, но и проблему более высокого исторического уровня, поскольку доказательство их более ранней даты относительно группы С5, одновременно доказывает обратную миграцию гуннов из Северного Причерноморья в Заволжье в последней четверти V в., не известную ни одному письменному источнику.

Приложение: признаки, положенные в основу корреляции

Определение общих признаков между комплексами является, собственно, основной частью корреляции, конечный результат которой иллюстрирует уже картину схожести комплексов в целом на основании совокупности схожести признаков конкретных вещей, входящих в их состав. Ниже мы предлагаем разделение вещевых комплексов на признаки, обозначенные определенным кодом, и даём обоснование отнесения тех или иных вещей к данному признаку в случае его дискуссионности. Подчеркнем, что деление на признаки не является классификацией, поэтому номера кодов не отражают связи между определенными признаками.

I - пряжки

Пряжки представляют собой наиболее многочисленный и наиболее информативный вид находок из комплексов, привлеченных к корреляции, поэтому им уделено особое внимание. Большинство анализируемых пряжек изготовлены профессиональными ремесленниками в городских центрах. Это позволяет нам рассматривать, как признаки не только пряжки в целом, но и отдельные их элементы, что приводит к использованию нами одной пряжки, как носителя нескольких признаков. Дело в том, что при массовом производстве пряжек, отдельно изготавливались все детали - рамки, язычки, щитки, причем возможно свободное комбинирование всех элементов.

IA1 - бесщитковые пряжки с круглой или округлой рамкой, чаще всего утолщенной на переднем конце (по классификации И.П.Засецкой, рамки вариантов Ia и Ib); язычок узкий, чаще всего округлый в сечении, далеко выступает за край рамки. Данный тип пряжек является наиболее характерным для второй четверти V в. К этому же типу нами отнесена пряжка из могилы VIII Новогригорьевки, хотя она является переходным вариантом к пряжкам IA2 - ее рамка имеет равномерную толщину, а язычок намного более плоский по сравнению с обычными язычками пряжек IA1 (рис.1, 1-4, 11, 14).

IA2 - бесщитковые пряжки с рамкой круглой или несколько неправильной овальной формы, чаще всего равномерной толщины, узким, слегка уплощенным, язычком, только слегка выступающим за край рамки

и плотно облегающим её (рис.1, 9-13, 18-22, 28). Пряжки данного типа представлены в керченских склепах 145, 154, 24/6/1904, в комплексах из Смолина и Калинина.

IA3 - бесщитковые пряжки с вытянутой овальной рамкой, утолщенной на переднем конце; язычки двух видов - очень широкие, но небольшой толщины, плотно прилегающие к краю рамок, и узкие, несколько толще, выдающиеся за край рамки и не облегающие её (рис.1, 24-27). По форме рамок и широкому язычку пряжки очень напоминают экземпляры IV в., но, как и пряжки IA2, пряжки этого типа возникают не раньше 40-х гг. V в. Они представлены в керченских склепах 145, 154. К этому признаку также отнесена пряжка из Саг, которая имеет широкую овальную бронзовую рамку и широкий железный язычок.

IB1 - пряжки данного типа объединены по наличию узкого прямоугольного щитка, крепившегося чаще всего одним штифтом. Наиболее распространенные пряжки данного типа представляют собой пряжку типа IA1, которая имеет щиток, указанный на рис.1, 5-8, 15-17, 32, но пряжки из керченских склепов 154, 165, 24/6/1904 имели граненую рамку и граненый язычок (рис.1, 43, 46, 47), овальную рамку (рис.1, 31, 38), короткий язычок (рис.1, 38, 46, 48).

IB2 - пряжки со щитком овальной или округлой формы, имеющие овальную рамку и язычок, облегающий рамку, при этом незначительно выступая за её границы (рис.1, 39, 40, 49, 50, 54, 55, 57, 58).

IB3 - пряжки со щитком треугольной или ромбовидной формы (рис.1, 41, 42, 51, 56).

IB4 - пряжки с граненой рамкой (рис.1, 34, 43, 45, 46, 47; рис.2, 8).

IB5 - признак объединяет две пряжки типа IB1 из Беляуса 1 и две пряжки IA1 из Беляуса 2, которые имеют идентичный язычок, украшенный на заднем конце несколькими поперечными рельефными полосками (рис.1, 2, 8).

IB6 - пряжки с прямоугольной рамкой (рис.1, 44, 53; рис.3, 21).

IB7 - пряжки с продольной огранкой язычка (рис.1, 33, 34, 44, 45, 47; рис.2, 8).

IB8 - пряжки с зооморфным язычком (рис.1, 58-60).

IC - под этим признаком объединены неидентичные, но похожие в общих чертах поясные пряжки из Здвиженского, Кубея (к.8., п.2), Капуловки и Новогригорьевки (м. 9) (рис.2, 1, 3, 6, 8). По форме рамок и ширине язычка между собой похожи пряжки из Кубея, Капуловки и Новогригорьевки. По форме щитка между собой похожи пряжки из Здвиженского и Капуловки; пряжки из Кубея и Новогригорьевки.

ID1 - к данному признаку нами зачислено 5 несколько отличных между собой больших массивных поясных пряжек (рис.2, 4, 5, 7, 12, 14). Все они имеют вытянутую овальную рамку и широкий язычок. Пряжки из Качина и Беляуса (рис.2, 4, 12) имеют подквадратный щиток, украшенный в технике инкрустации металлом по металлу. В аналогичной технике украшен и щиток круглой формы пряжки из керченского склепа 154 (рис.2, 5). Данные пряжки, безусловно, придунайского происхождения, близкие аналогии которым известны в Паннонии (Тышаладаны (рис.2, 7), Уйхартыян, Сабадбатыян и др.). Кроме данных трех пряжек, к признаку ID1 отнесены две несколько отличных пряжки, которые входят в скоррелированные комплексы. Пряжка из Ленгельтотти (Вакау К., 1978, abb.3, 1) является или прототипом, или более дешевой разновидностью пряжек типа Тышаладаны. По язычку и рамке пряжка практически идентична качинской, щиток круглой формы украшен более простым выравненным орнаментом. Пряжка из керченского склепа 1896 г. (рис.2, 14) по форме точно повторяет пряжку из склепа 154 и явно является её местной имитацией.

ID2 - небольшие придунайские пряжки с узким прямоугольным щитком, украшенным тисненым растительным орнаментом (рис.1, 59; рис.2, 13, 16, 18).

IE - пряжки с инкрустированным щитком:

IE1a - характерные придунайские пряжки с круглой рамкой, длинным язычком и щитком круглой формы с тремя выступами для штифтов, украшенный перегородчатой инкрустацией (рис.2, 9-11, 15, 17, 21, 28, 29, 39). Пряжки из Сегед-Надьсекшоша, Лаа и Новогригорьевки имеют овальную рамку, а пряжки из склепов 24/6/1904 – инкрустированную. Язычок пряжки из Новогригорьевки короткий, а пряжек из склепов 24/6/1904 и “Новиковского” – инкрустированные, последний также зооморфный.

IE1b - пряжки с овальной рамкой и щитком овальной (“почковидной”) формы, украшенным перегородчатой инкрустацией; три штифта для прикрепления к ремню размещаются на щитке или вообще отсутствуют (рис.2, 25, 30-32, 34-38). Сюда же зачислена пряжка из Раденска (рис.3, 12), с овальным щитком, украшенным округлыми вставками в напаянных гнездах, вероятно, имитирующая пряжки данного типа, а также две пряжки из “Новиковского” склепа, с другим щитком, но имеющие овальную рамку и широкий язычок, характерные для пряжек этого типа (рис.2, 38).

IE2 - пряжки со щитком квадратной или удлиненной прямоугольной формы с перегородчатой инкру-

стацией – довольно разнообразны (стандартов, очевидно, не было) (рис.2, 26, 27, 33).

IE3 - пряжки с квадратными и прямоугольными щитками, украшенными по центру одной плоской вставкой такой же формы (рис.3, 1-3, 9).

IE4 - пряжки небольших размеров со щитком треугольной, овальной, круглой, квадратной формы, украшенные одной плоской вставкой соответствующей формы, которая занимает практически всю площадь щитка (рис.3, 5-8). Сюда же нами отнесены пряжки из Раденска (рис.3, 4, 13), а также инкрустированные щитки накладок на ремень из Унтерзибенбрунна и Сегед-Надьсекшоша (рис.2, 19).

IE5 - большие поясные пряжки со щитком прямоугольной или квадратной формы, инкрустированным 9-ю круглыми вставками в напаянных гнездах (рис.3, 10, 11).

IE6 - язычки с инкрустацией (рис.2, 28, 29, 37, 39).

II - детали поясных и сбруйных ремней, варианты даны по А.И. Айбабину (Айбабин А.И., 1990, с.50-52)

IIA1 - вариант 1 (рис.4, 5);

IIA2 - вариант 3 (рис.4, 12, 13, 23, 31);

IIA3 - вариант 5 (рис.4, 6-8);

IIA4 - вариант 6-1 (рис.4, 24, 25);

IIA5 - вариант 6-3 (рис.4, 22);

IIA6 - широкий наконечник в виде прямоугольной пластины со скругленным внизу концом (рис.4, 27-29, 33).

IIb - вариант 7 (рис.4, 10, 14, 15).

IIC - накладка на ремень в виде петли с обоймой (рис.4, 46). Сюда же нами отнесены функционально одинаковые, но без обоймы накладки из Здвиженского и Ленгельтотти (рис.4, 38).

IID - пластинчатые накладки на ремень из Капуловки и п.2 к.8 Кубея (рис.2, 3, 6).

III - детали конского снаряжения и неизвестного назначения

IIIA1 - кольчатые псалии с зажимами, украшенными тисненым орнаментом (рис.4, 37);

IIIA2 - кольчатые псалии с зажимами, украшенными перегородчатой инкрустацией (рис.4, 45);

IIIA3 - кольчатые псалии, с бронзовыми зажимами, обтянутыми золотым листом и инкрустированные вставками в гнездах (рис.4, 32).

IIIB1 - Г-образные псалии с полиэдром на конце (рис.4, 61);

IIIB2 - прямые рифлёные псалии (рис.4, 62).

IIIC1 - обкладки ленчиков седел с чешуйчатым орнаментом (рис.4, 30);

IIIC2 - обкладки седел в виде удлиненных пластин (рис.4, 21).

IIID - бляшки - детали узды:

IIID1 - крестовидные (рис.4, 3);

IIID2 - ромбовидные (рис.4, 4);

III D3 - разнообразные удлинённые или фигурные с полихромными вставками;

III D4 - маленькие круглые или ромбические со вставками (рис.4, 19, 36);

III D5 - "лунницы" (рис.4, 44);

III D6 - небольшие круглые с перегородчатой инкрустацией (рис.4, 40-42);

III D7 - фигурные или зооморфные с перегородчатой инкрустацией (рис.4, 34, 35, 39, 43).

III E - круглые бляшки с одной круглой вставкой в центре, непонятного назначения, из Марфовки и Мелитополя (рис.4, 20).

III G - серебряные пилообразные накладки из керченских склепов 154 и 165 (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 20, 29).

IV - предметы личного убора

IVA1 - сережки с полиэдром на конце (рис. 5, 62);

IVA2 - сережки-калачики;

IVA3 - подвески в виде перевернутой капли с тремя круглыми выступами на кончике со вставками (рис.5, 66, 68).

IVB - "кулоны" (рис.5, 68).

IVC - "колты" (рис.5, 65).

IVD1 - шейные гривны из прута с утолщением и петлей или крючком на конце (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 26, 27, 35, 36; Засецкая И.П., 1994, табл.10, 1; Fettich N., 1953, pl. IV, 1; V, 1; Tejral J., 1985, obr. 36);

IVD2 - шейные гривны из витой проволоки (Alfoldi A., 1932, taf.XXI; Засецкая И.П., 1979, рис.2, 34; Засецкая И.П., 1994, табл.15, 9);

IVD3 - трубчатые шейные гривны (Fettich N., 1953, pl.XXVI, 8; Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н., 1966, рис.2, 12).

IVA - браслеты с утолщением на концах (Fettich N., 1953, pl.XXII, 4; Werner J., 1956, taf. 4, 6; taf. 15, 2, 3; Засецкая И.П., 1979, рис.2, 7).

IVF1 - золотые венки (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 1, 8, 30, 31);

IVF2 - диадема в виде полоски с округлыми вставками в напаянных гнездах (рис.5, 64); сюда же отнесена условно диадема без инкрустации из Ленинска;

IVF3 - диадема в виде полоски с "грибовидными" выступами сверху (рис.5, 63).

IVG - перстни со вставками.

IVH - зеркало с петлей в центре и орнаментом в виде кругов, пересеченных радиальными полосками (Alfoldi A., 1932, taf. VIII; Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, рис.2; Сорокина Н.П., 1971, рис.4, 4).

V - фибулы

VA1 - двухпластинчатые фибулы вариантов ПАА и ПАБ по А.К.Амброзу без инкрустации (рис.5, 48);

VA2 - двухпластинчатые фибулы с инкрустацией поверхности вставками в напаянных гнездах (рис.5, 53, 54).

VB - двухпластинчатые фибулы варианта ИББ без инкрустации (рис.5, 51).

VC - большие двухпластинчатые фибулы с накладками в виде "пальметок" (рис.5, 41).

VD - прогнутые подвязные фибулы группы 16, подгруппы 1, средневропейской серии, варианта 3 по А.К.Амброзу (Werner J., 1956, taf.4, 4).

VI - вооружение

В корреляционную таблицу не были включены мечи без перекрестья ввиду слишком широкого хронологического диапазона аналогий.

VIA - длинные обоюдоострые мечи с ромбовидным в плане перекрестьем.

VIB - навершия мечей в виде "колесика" из полудрагоценных камней, сквозь которое продета плоская круглая "шляпка" с петлей, украшенная перегородчатой инкрустацией (рис.4, 26).

VIC - накладка на ножны меча в виде прямоугольной пластины с округлым небольшим выступом, украшенная вставками в напаянных гнездах (рис.4, 2, 9).

VID - обкладки рукояти кинжала из склепа 145 и комплекса из к-за Калинина (рис.4, 17, 18).

VEI - золотые обкладки лука с зооморфным орнаментом (Alfoldi A., 1932, taf.VI, 15; Werner J., taf.16, 4; Ковриг И., 1982, рис.4);

VE2 - золотые обкладки лука, раздваивающиеся на конце (рис.4, 16).

Другие признаки

VII - косметические ложечки из Зеленокумска и керченских склепов 145 и 24/6/1904 (Засецкая И.П., 1979, рис.1, 5, 43; Охонько Н.А., Отюцкий И.В., 1982, рис.3, 3).

VIII A - стеклянные чаши с напаянными синими каплями варианта IЕ по Н.П.Сорокиной (рис.5, 55, 58).

VIII B - стеклянные чаши полусферической формы с напаянными синими каплями (рис. 5, 56).

IX - две больших серебряных чаши с изображением Констанция II из склепов 145 и 24/6/1904 (Засецкая И.П., 1979, рис.1, 1, 32).

X - подвески в виде колокольчика из керченских склепов 145 и 24/6/1904. Аналогичная подвеска происходит и из материалов склепа 165 (Засецкая И.П., 1979, рис.5, 13, 14, 35).

XI - железное ботало, обложенное внутри бронзовым или медным листом (Дашевская О.Д., 1969, рис.5, 1; Тиханова М.А., Черняков И.Т., 1970, рис.3).

"Блок"

Под этим названием мы решили ввести в корреляционную таблицу ряд вещей, которые в скоррелированных комплексах представлены фактически только из керченских склепов 24/6/1904 и Унтерзибенбрунна.

Это: фибулы-"цикады" (рис.5, 27), золотые браслеты с концами в виде звериных головок (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 44, 45), подвески в виде объединенных между собой частей, нижняя из которых оформлена в виде листка (рис.5, 24), косметический набор в виде подвешенных на кольцо "ногтечистки" и "уховертки" (Засецкая

И.П., 1979, рис.2, 67), гребни с трапециевидным корпусом и полукруглой спинкой (Засецкая И.П., 1979, рис.2, 64). Это также ряд маленьких бляшек-накладок: в виде зигзага (рис.5, 50); в виде зигзага, пространство которого заполнено с одной стороны так, что бляшка выглядит зубчатой (рис.5, 49); восьмеркообразная бляшка в виде двух объединенных спиралей (рис.5,

39); маленькие круглые бляшки с тисненным орнаментом (рис.5, 45, 57), маленькие треугольные бляшки со вставкой и "ушком" сверху (рис.5, 60); прямоугольные маленькие бляшки, обрамленные рубчатым ободком, декорированные двумя рядами круглых рельефных тисненных выпуклостей (рис.5, 37) (ср. Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961, рис.2).

Литература и архивные материалы

1. Айбабин А.И., 1987. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. н.э.// Материалы по этнической истории Крыма. К.
2. Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// МАИЭТ. Т. 1. Симферополь.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 1997. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму// МАИЭТ. Вып. VII.
4. Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР// САИ. Вып. Д1-30. М.
5. Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы// СА. №3.
6. Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв.// Средневековые древности евразийских степей. М.
7. Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
8. Амброз А.К., 1985. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984)// СА. № 3.
9. Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
10. Амброз А.К., 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв.// МАИЭТ. Вып. 4. Симферополь.
11. Афанасьев Г.Е., 1980. Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г.Кисловодск// Северный Кавказ в древности и средние века. М.
12. Ачкинази И.В., 1987. Фрагмент гуннского котла из Неаполя Скифского// Материалы по этнической истории Крыма. К.
13. Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации// КСИА. Вып.198.
14. Бажан И.А., Шукин М.Б., 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов// АСГЭ. Вып.30.
15. Баранов И.А., 1973. Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму// СА. №3.
16. Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989. Катакомбные погребения III- IV вв. на Нижнем Дону// СА. №3.
17. Богачев А.В., 1996. К вопросу о поздней дате древностей "гуннского круга"// РА. № 3.
18. Боковенко Н.А., Засецкая И.П., 1993. Происхождение котлов "гуннского типа" Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей// Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб.
19. Веймарн Е.В., Айбабин А.И., 1993. Скалистинский могильник. К.
20. Винокур І.С., Мегей В.П., 1992. Ювелірна майстерня ранньосередньовічних слов'ян// Археологія. № 3.
21. Высотская Т.Н., Черепанова Е.Н., 1966. Находки из погребений IV - V вв. в Крыму// СА. № 3.
22. Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Северного Кавказа// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
23. Генинг В.Ф., 1979. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья)// КСИА. Вып.158.

24. Гороховский Е.Л., 1988а. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины// Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т.4. К.
25. Гороховский Е.Л., 1988б. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы// Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. и сообщ. Полтава.
26. Гороховский Е.Л., 1988в. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дис. канд. ист. наук// НА ИА АН Украины. К.
27. Гросу В.И., 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
28. Дашевская О.Д., 1969. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма// Древности Восточной Европы. М.
29. Дашевская О.Д., 1991. Отчет о работе Донузлавской экспедиции Института археологии РАН и Евпаторийского краеведческого музея за 1991 год// НА ИА АН Украины. К.
30. Дмитриев А.В., 1979а. Могильник эпохи Великого переселения народов на реке Дюрсо// КСИА. Вып.158.
31. Дмитриев А.В., 1979б. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи Великого переселения народов на р.Дюрсо близ Новороссийска// СА. № 4.
32. Дмитриев А.В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
33. Засецкая И.П., 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников Восточноевропейских степей// КСИА. Вып.158.
34. Засецкая И.П., 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным// Древности эпохи Великого переселения народов. М.
35. Засецкая И.П., 1990. Относительная хронология склепов боспорского некрополя// АСГЭ. Вып.30.
36. Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV - V вв.). СПб.
37. Иордан, 1997. О происхождении и деяниях гетов - "Getica". М.
38. Казаков Е.П., 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
39. Каменецкий И.С., Кропоткин В.В., 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса// СА. № 3.
40. Ковалева И.Ф., 1962. Погребение IV в. у с.Старая Игрень// СА. № 4.
41. Ковалевская В.Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV - IX вв. Пряжки// САИ. Вып. Е1-2.
42. Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
43. Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.
44. Ковриг И., 1982. Погребение гуннского князя в Венгрии// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
45. Костенко В.И., 1977. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ// Курганные древности степного Поднепровья III - I тыс. до н.э. Днепропетровск.
46. Костенко В.И., 1980. Культ огня в погребениях сарматского времени междуречья Орели и Самары// Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск.
47. Кузнецов В.А., Пудовин В.К., 1961. Аланы в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов// СА. № 2.
48. Кухаренко Ю.В., 1982. О качинской находке V в.// Древности эпохи Великого переселения народов V - VIII вв. М.
49. Латышев В.В., 1948. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе// ВДИ. №4.
50. Левченко Д.И., Супруненко А.Б., 1994. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы// Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворскля. Москва-Полтава.
51. Ляшко С.Н., Отрошенко В.В., 1988. Балковский курган// Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К.
52. Мацулевич Л.А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе (новые находки в верховье реки Суджи). М.-Л.

53. Мелентьева Г.М., 1979. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону// КСИА. Вып.133.
54. Михайлов Б.Д., 1993. Погребение гуннского времени на Каменной могиле в Северной Таврии// МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.
55. Музей исторических драгоценностей УССР, 1984. К.
56. Некрасова Г.М., 1985. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м.Суми// Археологія. Вип.50.
57. ОАК за 1900 год, 1902. СПб.
58. Обломский А.М., Терпиловский Р.В.,1993. Славянское поселение и кочевнический могильник V-VIII вв. на Ворскле. (Рукопись).
59. Остапенко М.А., 1998. Дослідження експедиції "Хортиця" в 1998 р.// Археологічні відкриття на Україні 1997-1998 рр. К.
60. Охонько Н.А., Отюцкий И.В., 1982. Богатое захоронение гуннского времени у г.Зеленокумска// СА. №4.
61. Пешанов В.Ф., Телегин Д.Я., 1968. Жертвенное место алано-гуннского времени в урочище Маркартет// АО. 1967. М.
62. Редіна Є.Ф., Россохацький О.А., 1994. До вивчення гунських старожитностей Північно-Західного Причорномор'я// Археологія. № 3.
63. Рудинський М., 1930. Кантамирівські могили римської доби// Записки Всеукраїнського археологічного комітету. Т.1. К.
64. Рунич А.П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины// СА. №3.
65. Сазанов А.В., 1989. О хронологии Боспора ранневизантийского времени// СА. №4.
66. Сиротенко В.Т., 1972. Письменные свидетельства о булгарах IV-VII вв. в свете современных им исторических событий// Славяно-балканские исследования. М.
67. Сорокина Н.П., 1971. О стеклянных сосудах с напаями синего стекла из Причерноморья// СА. №4.
68. Спицынъ А., 1905. Вещи съ инкрустаціей изъ Керченских катакомбъ 1904 г.// ИАК. Вып. 17. СПб.
69. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. III. К.
70. Сымонович Э.А., 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре// МИА. № 82.
71. Тиханова М.А., Черняков И.Т., 1970. Новая находка погребения с диадемой в Северо-Западном Причерноморье// СА. № 3.
72. Шаламон А., Баркоци Л., 1982. Археологические данные к периодизации позднеимской Паннонии (376 - 476 гг.)// Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М.
73. Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухопад С.Е., 1983. Раскопки курганов у с.Дмухайловка// Древности степного Поднепровья III - I тысячелетия до н.э. Днепропетровск.
74. Юрочкин В.Ю., 1993. Погребение кочевников гуннского времени в кургане у села Изобильного в Крыму// МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.
75. Aibabine A., Khairedinova E., 1997. La necropole de Loutchistoe// Archeologie de la Mer Noire: la Crimee a l'epoque des Grandes Invasions IV - VIII siecles. Caen.
76. Alfoldi A., 1932. Funde aus der Hunnen zeit und ihre ethnische Sonderung// АН. IX.
77. Bakay K., 1978. Bestattung eines vornehmen kriegers vom.5 jahrhundert in Lengyeltoti (komitat Somogy, kreis Marcali)// ААН. 30.
78. Fettich N., 1953. La trouvaille de tombe princiere hunnique a Szeged-Nagyszeksos// АН. XXXII.
79. Tejral J., 1985. Nase zeme a rimske Podunaji na pocatku doby Stehovani narodu// Pamatky archeologicke. R. LXXVI. C.2. Praha.
80. Werner J., 1956. Beitrage zur Archaeologi des Attila-Reiches. Munchen.

Summary

A.V. Komar (Kiev)

The Actual Problems of the Hun Age Material Culture Chronology of Eastern Europe

Six groups of burials are singled out on the basis of burial inventory analysis. They are distributed and dated by means of correlation method in which complexes of Hunn epoch from Central Europe, the Crimea and the Northern Caucasus were taken to be valid. In the work the chronology of Hunn epoch is divided into 3 periods: early, middle and late, which are divided in their turn into 7 stages. The Alan interments of early Hunn epoch that had been singled out by Ye. Ghorokhovskiy are grouped. Besides, it is for the first time when the date (not earlier than 454 AD) of burial group of Eastern European nomads is proved, and here belong specific things made by means of cloisonne technique. These items are compared with analogous ones from Kerch in the work. The location of such complexes is determined by contact regions during Hunn and Alan migrations from East to Pannonya (after Atylla state's downfall in Autumn, 454). The interments of group № 5 (Shipovo) are synchronized with the horizon of Durso II and dated within the limits of 600-650 years. The conception of back migration of Hunns, advancing from Pannonya to the Black Sea and further to the Volga river, is proved on the basis of analogies of burial inventory and funeral rite complexes of Szeged-Nadyszeksos, Novogrigorievka and Pokrovsk type.

A.W., Komar (Kiev)

Aktuelle Probleme der Chronologie der materiellen Kultur in der Hunnenzeit Osteuropas

Auf Grund der ausgegrabenen Beerdigungsgegenstände wurden 6 Grabstättengruppen festgestellt. Sie sind mit Hilfe der Korrelationsmethode eingeteilt und datiert, wo die Komplexe der Hunnenzeit aus Zentraleuropa, der Krim und dem Nordkaukasus eingesetzt sind. Im Werk ist die Chronologie der Hunnenzeit in 3 Perioden eingeteilt: die frühere, die mittlere und die spätere, die ihrerseits in 7 Phasen geteilt werden. Zum erstenmal sind die Grabstätten von Allannen der früheren Hunnenperiode zusammengefasst, die seinerseits von E. Gorochowskij festgelegt wurde. Ausserdem ist zum erstenmal die Datierung (nicht eher als 454 n. Ch.) der Grabstättengruppe von Nomaden Osteuropas bewiesen, dazu gehören auch spezifische Erzeugnisse, die nach der Cloisonne-Technik hergestellt sind. Diese Erzeugnisse sind im Werk mit den ähnlichen Sachen aus Kertsch verglichen. Der Ort dieser Komplexe wird durch die Kontaktierungsgebiete, während der Migration von Hunnen und Allannen vom Osten bis nach Pannonien (nach dem Zerfall des Staates Atillas im Herbst 454) bestimmt. Die Grabstätten der 5. Gruppe (Schipowo) sind mit dem Horizont Dürso 2 synchronisiert und zwischen 600 und 650 datiert. Auf Grund der Analogien von Beerdigungsgegenständen und Beerdigungsritual der Komplexe von der Art Szeged-Nadyszeksos, Nowogrigorjewka, Pokrowsk ist das Konzept der Rückwanderung von Hunnen bewiesen, die von Pannonien zum Schwarzen Meer, und weiter bis zur Wolga vorgedrungen sind.

A.V. Komar (Kiev)

Problèmes actuels de la chronologie de civilisation matérielle à l'époque des Huns en Europe de l'Est

A la base de l'analyse du matériel funéraire on dégage 6 groupes d'inhumations. Elles sont distribuées et datées avec une méthode de corrélation. Cette analyse met en cause des complexes archéologiques de l'époque des Huns de l'Europe centrale, de la Crimée et du Caucase. Dans ce ouvrage l'époque des Huns est divisée en 3 périodes: ancienne, moyenne et récente. Ces périodes sont à leur tour subdivisées en 7 stades. Pour la première fois on a classifié les inhumations des Alains de la période ancienne des Huns. Celle-ci est dégagée à son temps par E. Gorokhovski. Outre cela on a pour la première fois démontré la datation (après l'an 454) du groupe d'inhumations des nomades de l'Europe de l'Est. Il inclut les objets spécifiques faits en cloisonné. Ces articles sont comparés avec les objets analogiques de Kertsch. La position des complexes pareils est définie par les zones des contacts pendant les migrations des Huns et des Alains de l'Est jusqu'à la Pannonie (après la chute de l'état d'Attila en automne de l'année 454). Les sépultures du groupe 5 (Chypovo) sont synchronisées avec l'horizon de

Durso II et sont datées des années 600-650. On a prouvé l'idée de la migration inverse des Huns reculant de la Pannonie vers la mer Noire, et plus loin vers la Volga. Les preuves de cette théorie sont basées sur les analogies du matériel et des pratiques funéraires des complexes du type de Szeged-Nadyszeksos, de Novogrigorievka, et de Pokrovsk.